

АЛЕКСЕЙ ГЕРАСИМОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПРОБУДИВШИЙСЯ

империя плоти

Пробудившийся

Алексей Герасимов

Пробудившийся 2: Империя плоти

«Автор»

2026

Герасимов А.

Пробудившийся 2: Империя плоти / А. Герасимов — «Автор»,
2026 — (Пробудившийся)

Сила Александра Сергеевича Воронова, «посеянная» в пустоту, стала катализатором не только возрождения антропоморфной флоры, но и буйного, неконтролируемого роста фауны по всем законам Эмбрионы. Теперь Пробудившийся Дикий Цветок — не просто садовник в своей долине, а живой ключ к эволюции, за которым охотятся могущественные силы, видящие в нем либо орудие, либо угрозу.

© Герасимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. У жены в семье на одного ребенка больше, чем у мужа	5
Глава 2. Не так нас достают зловердные враги, как хитрожопые друзья	14
Глава 3. На минуту проснулась человечность, но мы с ней быстро договорились	22
Глава 4. В женщине должен быть мужчина, а не какая-то там загадка	30
Глава 5. Жизнь не сводится к сексу, но отталкивается от него	37
Глава 6. Все потери в этом мире от собственной слабости	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Герасимов

Пробудившийся 2: Империя плоти

Глава 1. У жены в семье на одного ребенка больше, чем у мужа

Если бы я решил снять про свою нынешнюю жизнь мотивационный ролик... Такой, где на фоне играет гитара, а голос за кадром втирает про необходимость «найти себя», то выбрал бы именно утро. Время, когда солнце ещё не успело подняться над гребнем дальних скал, а вся наша долина парит влажной прохладой. Упругая травка, каждый шаг по которой отдаёт мягким, почти пружинящим хрустом, щедро напитана ночною росой. В этот период Эмбриона пахнет всем сразу. Для кого-то прозвучит странно, но запахи в этом мире «разговаривают». Сообщают новости, предупреждают и хвастаются, а иногда нагло лезут в мысли, словно реклама, решившая, что ты обязан её посмотреть.

Сейчас пахло домом, но в запах нашего дома вплеталось чужое. Дым коптильни у нижнего очага. Кисловатая брага, которую одна из волчьих семеек упорно называла «напитком спокойствия». Молочный дух детской каши. Шерсть после утреннего вычёсывания и терпкий пот молодых самцов, которые всю старались казаться взрослыми, распространяя по округе гормоны. Иногда, если честно, это действовало на нервы. Я прожил большую часть земной жизни в одиночестве, привыкнув, что моя тишина, только моя. В этом месте тишина была общей. Когда вокруг не слышно даже шагов, но всё равно чувствуешь, рядом живут соплеменники, которые дышат, едят, спорят, любят и... да, занимаются сексом так же естественно, как ставят котёл на огонь.

Пять лет — странный срок. Достаточный, чтобы забыть вечный вкус паники на языке, но недостаточный, чтобы уверовать, что та не вернётся. За эти годы наш дом перестал быть только «Александра и Люции». Он стал филиалом Пепельной Стаи. Сначала к нам пришли трое. Торк, который успел обзавестись парой, и Грон, уставший, по его словам, от вечной жизни «на виду» стаи. Потом ещё одна пара. Потом ещё. Вокруг нашей избы выросли ещё несколько срубов. Чуть ниже по склону возник общий очаг, навес для копчения мяса, сушилка для трав и загон для травоядного транспорта.

Наше поселение стали называть «тихой долиной». Только вот тишина, даже в небольшой стае понятие относительное. Особенно когда рядом поселились личности, которые не считают нужным прятать ни ласку, ни ссоры, ни примирения. Как часто, пропитанный правилами приличия человечества, я ловил себя на том, что смущаюсь... Но, потом вспоминал. В мире Эмбрионы стыд — роскошь. Его себе позволяют только те, кому ничего не угрожает. Увы, даже после победы над «Тем, Что Ждёт», мой новый мир нельзя было именовать идиллией. Потому что несколько месяцев назад в «тихую долину» явилась незваная гостья.

Каэла.

Имя девушки-ящера звучало мягко, словно шелест листвы, но пахло горячим песком и холодной властью. Она прилетела одна, верхом на крылатом чудовище, поведав, что некая «Повелительница Тысячи Солнц» заинтересована во мне так, как хирург интересуется редкой опухолью. Без эмоций, но с профессиональным азартом. Я тогда отказал. Спокойно. Можно даже сказать, вежливо. После чего ящерица слиняла, бросив на прощание фразу, эхо которой я теперь постоянно слышу даже во сне. «О нём узнают и за ним придут».

С того дня мы перестали жить «как получится» и стали жить, как умеет стая, ожидающая беду. С патрулями, сигналами, правилами. С укрытием для щенков, где их спрячут первыми, если запах в воздухе станет неправильным.

Сегодня в очередное обычное утро, я снова попытался убедить себя, что это привычная жизнь. В утреннюю смесь ароматов активно вмешивался запах... моих грядок. Да, я ботаник. В моей голове мир делится на растения, их потребности, привычки и новые способы уговора расти там, где надо было именно мне. В долине я смог погрузиться с головой в свои увлечения. Копал грядки, искал баланс света и влаги, экспериментировал с удобрениями, ругался с особо вредными сорняками. Первые месяцы я выращивал всё на чистой дисциплине. На земной привычке к порядку. Потом моя пробуждённая магия, как ненормальный помощник-стажёр, начала подсовывать идеи. Подозрительно... аккуратные.

Я видел это даже сейчас. Рядки, которые я вчера полил, стояли ровно, как под линейку. Даже слишком ровно. Листья на молодых кустиках выстроились симметрично, словно кто-то отрисовал их под копирку. Не то чтобы это было уродливо. Наоборот, красиво до мурашек на заднице. Только красота эта была неправильная. Неживая и слишком... математическая.

Почесав переносицу, я вдохнул и поймал в самом конце запаха тонкую нотку, которой в долине быть не должно. Не дым. Не смола. Озон. Еле заметный. Как после грозы. Только грозы вот уже месяц как не было.

Ниже по склону уже закипала жизнь. У поселкового навеса кто-то точил нож, кто-то ругался из-за соли, а двое подростков-волчат таскали воду и делали вид, что это тяжёлое мужское дело. У очага антропоморфная самка перебирала сушёные травы, и я по запаху понял, сегодня готовят отвар «для крепкого сна». Значит, ночью кто-то снова не спал из-за прилива страсти или того, что молодые слишком громко «мирились», разбудив всех соседей.

Пять лет назад я бы покраснел. Сейчас только вздохнул. Стая не прячет интимную жизнь. Это закон. Стая прячет только детей, когда пахнет угрозой.

— Папа!

На крыльце возник Лир. Точнее... главная проблема моего отцовства. Первый официальный оборотень на этой планете. Четырёхлетний пацан, который был солнечным человечком и волчком с серебристой шерстью, в одной оболочке. Причём переключение между этими состояниями происходило не по команде, а по его стихийному настроению. Сейчас сын был в своей промежуточной форме. Человеческий облик с чуть острыми скулами, лохматые треугольники ушек и хвост. Настоящий, волчий, отражающий настроение сына лучше любого психолога. Пышный веник ходил ходуном, что означало: он пришёл не учиться. Он пришёл побеждать.

— Папа, буквы! — торжественно заявил Лир, показывая на стол, который я соорудил на улице под навесом.

Там лежала моя гордость. Тридцать три деревянные пластины. На каждой выжжена буква человеческого алфавита и нацарапано соответствующее изображение. «А» — аир. «Б» — белоус. «В» — ворон. И т. д. Лир уселся напротив, поджав под себя ноги, которые в любую секунду могли превратиться в лапы. Серебристые, кучерявые волосы на макушке после сна распушились. Огромные, не по-детски серьёзные голубые глаза смотрели на меня с выражением, в котором читалась вся волчья родословная его матери. Нужно было не упустить настроение малыша заниматься. Я сел и быстро добыл букву, на которой мы остановились в прошлый раз.

— Смотри, сынок. Это «Г». Гравилат. Видишь, цветок такой, с красно-оранжевыми лепестками? Он ещё растёт перед домом у дяди Торка, — я ткнул в пластину.

Лир потянулся пухлой ручкой с едва проступившими коготками и вцепился в пластину. Затем внимательно обнюхал её и решительно сунул в рот.

— Не вкуфно, — констатировал он, вынимая дощечку, обильно покрытую слюной.

— Потому что это не еда, а буква. «Г». Гравилат используется как противовоспалительное, если что. — Я вздохнул, глядя на сосредоточенную мордашку. — Давай повторим ещё раз. А, Б, В, Г...

— Па-а-ап, — перебил меня Лир. Взгляд мальчишки стал по лисьему хитрым. — А это что?

Он показал пальцем на ветку дерева Эола, где устроилась пушистая белка-пересмешница. Очередной новый вид, появившийся в долине за последние годы.

— Это *Eutamias magica*, если по-научному, — автоматически ответил я. — А по-простому — отвлекающий манёвр для ленивых волчат, не желающих заниматься. Продолжим?

Но, было поздно. Концентрация мальчика рассыпалась вмиг. Он сморщил носик, заёрзал, и по коже, покрытой бронзой загара, пробежала знакомая рябь. Тихий хруст, больше похожий на потрескивание сухих стеблей, и на стуле вместо человечка сидел щенок. Неуклюжий, с огромными лапами и такими же серьёзными голубыми глазами на серебристой мордочке. Волчонок радостно вильнул хвостом и с новым энтузиазмом принялся грызть пластину с буквой «Г».

— Лир Александрович Воронов! — рявкнул я, пытаюсь звучать строго, но внутри расплываясь в улыбке. — Немедленно вернись в человеческую форму, и мы продолжим урок!

Волчонок издал звук, нечто среднее между скулежом и хихиканьем, и прикрыл глаза, продолжая методично точить зубки о Гравилат. В дверном проёме, оформленном свисающей шкурой шипохвоста, возникла тень. В наш дом не было принято стучать. Зачем, если нос за версту чует гостя?

Вышла Люция, неся в руках охапку свежего белья. Несмотря на материнство и пятилетний статус домохозяйки, мускулистое тело антропоморфной волчицы выглядело потрясно. От шеи до пят покрытое короткой, бархатистой серебристой шерстью с тёмным остевым волосом вдоль позвоночника. В голубых, почти человеческих глазах светился ум, а губы, обрамляющие пасть, складывались в удивительно выразительную улыбку. Подвижные острые уши стояли на макушке торчком, улавливая каждый звук. Пушистый и выразительный хвост лениво вилял за очаровательной попкой. На женщине была лишь практичная набедренная повязка из кожи и короткий топ, подчёркивающий упругую грудь с сосками, заметными сквозь тонкую ткань. Волчица не стеснялась своего тела. Оно было инструментом, источником силы и жизни, и прикрывалось ровно настолько, насколько того требовал комфорт. Или погода. Слегка округлившийся в первом триместре живот Люции, хранил нашу маленькую тайну. Через пять, или шесть месяцев у Лира должна была появиться сестра.

Увидев сына с азбукой в зубах, волчица рассмеялась. Звук был низким, хрипловатым, но бесконечно тёплым.

— Опять твои деревяшки грызёт? Я же говорила, в его возрасте пора учить важному, — волчица бросила бельё на лавку и подошла, обняв меня сзади. Её запах ворвался в лёгкие, мгновенно затмив все ароматы леса. Тёплый, глубокий, с нотами спелой смородины, выгоревшей на солнце шерсти и чего-то неуловимого, сугубо личного. Запах дома. — Он должен уметь не буквы читать, а следы. Чуть ветер, знать, откуда пришла добыча недельной давности или куда ушла беременная лосиха. А твой Гравилат ему не подскажет, с какой стороны ждать опасность.

Я положил ладонь на шерстяную руку, обвившую мою грудь.

— Он должен знать больше, чем просто как выжить. Знать, почему растёт трава, как устроены звёзды, что такое этикет и мораль...

— Этикету его научит стая, — парировала Люция, покусывая моё ухо. — А мораль у волка проста. Не тронь чужого щенка, делись мясом со стаей и не нападай первым. Но если напали — рви глотку. Всё.

Я возмущённо фыркнул. Этот спор успел обрести в нашей семье статус фундаментального. Цивилизация против природы. Разум против инстинкта. Я, как всегда, чувствовал себя в нём на весьма шаткой почве. Потому что аргументы Люции здесь, в Эмбрионе, работали. Ежедневно.

— Не хочу, чтобы он, как я в тридцать лет, учился не рвать глотку первому встречному из-за вспышек гнева, — в моём голосе слышалась горечь. Воспоминания о первых месяцах в роли Пробудившегося, когда моя собственная ярость пугала даже меня, до сих пор иногда снилась по ночам.

Неосознанно я сжал кулаки. И тут же почувствовал знакомый, тревожный зуд в костяшках. Я посмотрел вниз. Ногти на пальцах стремительно потемнели, стали толще и удлинились на полсантиметра, обретая явственный изгиб и текстуру, похожую на когти саблезуба. Сердце ёкнуло. Я немедленно расслабил ладони и сделал глубокий вдох, представляя, как сила отливает обратно, в глубь тела. Будто нехотя, когти вернулись к нормальному виду. Но Люция заметила. Её объятие стало чуть жёстче.

— Контроль, — тихо сказала она мне на ухо. Так, чтобы Лир не услышал. — Он держится. Ты стал лучше.

— Иногда мне кажется, что он держится на честном слове и твоём запахе, — признался я, прикрывая глаза.

Лир, уловив перемену в настроении взрослых, наконец выпустил из пасти пластину и, фыркнув, обернулся обратно. Теперь он сидел голышом с довольным видом. Одежда, как обычно, валялась после трансформации на земле.

— Надоели буквы, — заявил он. — Хочу поймать кролика.

Люция торжествуяще на меня посмотрела.

— Видишь? Инстинкты. Могу взять Лира с собой, покажу ему кроличьи тропы.

Пришлось сдаться. Не впервые. Поднял пластину и вытер её о штаны.

— Ладно. Но завтра мы выучим «Д», «Е» и «Ж». Дрок, ежа, жимолость. Договорились?

Лир кивнул с преувеличенной серьёзностью, но глаза мелкого уже бегали, выискивая новые объекты для исследований. Взгляд упал на дерево Эола, листья которого мягко вспыхнули тёплым золотом, отражая моё смешанное чувство любви и лёгкой досады. Мир Эмбрионы был одним сплошным, бесконечно интересным уроком выживания. И мои попытки привнести в него значимость земных знаний разбивались об этот простой факт.

— Он уничтожает в себе культурный слой человечества, — проворчал я, наблюдая, как сын мочится на корни дерева.

— У нас нет культурного слоя, — спокойно напомнила Люция. — Есть слой мяса, слой костей и слой памяти.

Лир, закончив дела, вновь обернулся волчонком и полез к маме, пытаясь залезть на колени. Люция почесала его за ухом, и мальчик растаял.

— Видишь? — сказала она мне. — Ему скучно. А ты...

Она понюхала воздух возле стола, скривилась, словно почувствовала что-то лишнее.

— Ты пахнешь напряжением. Он это слышит.

— Я пахну отцом, — сказал я. — Который пытается научить сына читать.

Люция подняла бровь.

— Зачем?

Я открыл рот... и понял, если скажу «потому что это важно для развития личности», жена посмотрит на меня тем самым взглядом, которым смотрят на волка, пытающегося стать травоядным.

— Потому что... — я сделал глубокий вдох. — Потому что знания, это оружие.

— Наше оружие — это когти с клыками, — спокойно парировала она.

— А мозги? — возмутился я. — Мозги тоже оружие в мире, где тебя не всегда спасут когти.

— Его будут спасать запахи, — сказала Люция. — Он должен знать, как пахнет кролик, когда тот испуган. Как пахнет лиса, когда врёт. Уметь различать шёпот ветра. Ты всё ещё думаешь, что мир устроен как твоя старая жизнь. Там, где люди сидели... как ты рассказывал... в школах?

Нахлынуло воспоминание. Класс. Пыльный мел. Училка по литературе, которая рассказывает о «высоких идеалах». И я, пятнадцатилетний Александр сидит за парной и думает, что идеалы никак ему не помогут, когда за углом тебя ждут хулиганы. Здесь идеалы тоже не помогали. Но хотя бы никто не делал вид, что всё «прилично».

— Пойдём, — сказала волчица, словно закрывая тему. — Сначала прогулка. Потом буквы. Так будет честно. Он должен знать, что мир состоит не из одних лишь дощечек.

Щенок радостно тявкнул. Я вздохнул.

— Ладно. Но после прогулки он будет заниматься.

Люция улыбнулась. Той улыбкой, от которой в груди всегда становилось теплее.

— Скорее всего, он будет спать, — сказала она. — А вот ты... будешь заниматься со мной.

Женщина сказала это так спокойно и буднично, как «после дождя будет грязь». От этой непосредственности по спине пробежал возбуждающий холодок. В Эмбрионе интим не был тайной. Он был частью жизни. Как еда и как сон. Как вечерние разговоры у огня. Когда мы шли по тропе к опушке, я видел доказательства этого. На соседнем дворе пара волков сидела на бревне. Самец — большой, серый, со шрамом на морде вычёсывал своей самке шерсть на загривке. Это выглядело почти невинно... пока я не уловил запах, который оба оставляли в воздухе. Спокойная уверенность, «ты моя», «я твой» и «не подходи». Они не прятались и не торопились. Просто жили. Потому что тело не враг. Тело — язык. И, честно говоря, мне это нравилось. Но иногда и пугало.

Вечер наступил быстро. После ужина из тушёного мяса кабарги с кореньями и лесными грибами мы укладывали Лира. Ритуал был нехитрый. Люция вылизала ему лицо и руки, приведя в должный с точки зрения гигиены волчицы вид, а я рассказал сказку. Про храброго волчонка, который нашёл потерявшийся звёздный свет и вернул его на небо. Гибрид фольклора из двух миров.

Лир вырубился почти сразу, свернувшись клубком на лежанке. Сначала щенком. Потом, уже во сне, обернулся мальчишкой. Сын дышал ровно, иногда вздрагивая. То ли снилось что-то, то ли тело училось удерживать форму. Я сидел рядом и смотрел на него так долго, что даже сам себе показался сентиментальным.

— Он сильный, — сказала Люция тихо, подходя сзади. — И упрямый.

— В кого бы это, — вздохнул я.

Она фыркнула мне в волосы.

— В нас обоих, — сказала она. — Это хорошо. Упрямые выживают.

Когда дыхание сына стало глубоким и ровным, в хижине воцарился звук треска поленьев в очаге и стрекот ночных насекомых, Люция взяла мою руку и потянула на кухню. Логово из шкур, наш «семейный угол» был слишком близко к спящему сыну. Стол же был центром жизни. Мы тихо прошли на кухню. Моя любимая часть дома. Здесь пахло древесиной, травами и тёплым камнем печи и было много моих личных штук. Полка с банками, где я подписывал содержимое буквами, которые Лир пытался сожрать. Сушилка для трав. Ножи, которые я точил вечерами, потому что это успокаивало.

— Садись, — сказала она. — Я хочу обновить метку.

— Сейчас? — я автоматически посмотрел на дверь спальни.

— Сейчас, — спокойно ответила Люция. — Пока он спит. Это важно.

Волки в стае не любили оставлять важное «на потом». «Потом» могло и не наступить. Я перенял эту привычку, хотя в прежней жизни откладывал всё. Даже жизнь. Люция сняла с полки глиняный сосуд.

— Масло, — сказала она.

— Я помню.

— Ты помнишь головой, — фыркнула она. — А надо телом.

Она поставила сосуд в тёплую воду и подождала, пока масло согреется. Затем открыла крышку. Запах ударил сразу: терпкий, травяной, чуть сладкий, с ноткой чего-то горького, как полынь. Это было не просто масло. Смесь из местных растений, которую Люция делала сама, каждый раз составляя по-разному. Под настроение, под сезон, под угрозы.

— Это... — начал я.

— Это для дома, — сказала Люция. — Чтобы чужие запахи не цеплялись. Чтобы ты оставался... здесь.

Я не спорил, давно поняв: у неё «метка» не про собственничество в человеческом смысле. Это про безопасность. Про «ты часть стаи, и стая тебя узнает». Она подошла ближе.

— Снимай, — сказала она просто.

Я снял рубаху.

— Тише, — шепнула она вдруг.

— Я молчал.

— Ты думаешь слишком громко.

Я тихо фыркнул, сдерживая смех. Её шершавые, но удивительно нежные ладони начали втирать масло в мою кожу. Движения были ритмичными, знающими. Сначала шея, где, как она говорила, «пульсирует жизнь и запах выходит наружу». Потом грудь, над сердцем. Каждое из движений было не просто массажем. Обряд. «Тёплая метка». Так волчицы обновляли связь с партнёром, пропитывая его своим запахом. Напоминая себе и ему: это мой, это моё!

— А помнишь, наш первый раз? — голос волчицы был низким, воркующим прямо у уха. — Ты тогда прыгал, как ошпаренный и говорил, что щекотно.

— Как такое забыть? Ты придушила меня, прижав к полу, и сказала, что если я не успокоюсь, то «метка» будет поставлена укусом в шею, — я усмехнулся, вспоминая тот смехотворный и вожденный ужас первых недель сближения. Меня, цивилизованного ботаника, пугала и возбуждала эта животная прямота. На Земле подобное поведение называли бы домогательством. Здесь это было предложением вступить в стаю. Самый честный контракт из возможных.

— Но сработало же, — женские руки скользнули ниже, к моему животу. Масло было горячим от её тепла. — Ты понял серьёзность момента.

Серьёзность. Да, в этом мире всё, связанное с запахами, метками, интимными ритуалами, было смертельно серьёзно. Для обитателей Эмбриона секс был актом общения, подтверждения связей, снятия напряжения и, наконец, способом продолжения рода. На моих глазах волки из Пепельной стаи могли запросто совокупляться на полянке после удачной охоты. Не скрываясь, но и не выставляя процесс напоказ. Просто как часть жизни, как принятие пищи. Сначала это шокировало. Теперь... теперь я видел в этом странную, животную чистоту. Никаких игр, условностей и табу. Только искреннее проявление природы. Хотя мне до сих пор было неловко, когда Агран в моём присутствии начинал вылизывать новую самку, явно намекая на предстоящую ночь. Для них это было как пожать руку. Для меня весьма откровенное зрелище.

Ладони Люции упёрлись мне в бёдра, растирая масло по коже. Медленное и тягучее возбуждение начало разливаться по телу. Не только от прикосновений, от всего ритуала. От этой абсолютной уверенности в своих действиях. От её запаха, который теперь висел в воздухе, смешиваясь с дымом очага.

— Теперь запястья, — сказала волчица, и голос прозвучал иначе. Гуще. С хрипотцой.

Она обхватила протянутые запястья так, чтобы большие пальцы легли точно на мои пульсирующие вены. Втирала масло долго, круговыми движениями, будто вправляя суставы или запечатывая что-то внутри. Голова Люции склонилась, тёплое дыхание коснулось моей кожи.

— Ты сегодня пахнешь тревогой, — прошептала она, не поднимая глаз. — Как испуганный зверь в клетке. Даже через масло чувствую. Из-за чего?

— Это из-за всего, — честно ответил я. — Из-за того, что он растёт. Из-за того, что я до сих пор не понимаю до конца, что со мной происходит. Иногда, когда я работаю в саду... — я замолчал, глядя на её пальцы, втирающие масло в мои. — Моя магия. Она тянется не к хаосу, Люция. Она тянется к порядку. Я ловлю себя на том, что непроизвольно выравниваю грядки в идеальные параллели. Что соцветия на экспериментальных гибридах выстраиваются в симметричные фрактальные узоры. Такое чувство, будто во мне сидит не садовник, а... инженер. И это пугает больше, чем желание выпустить когти.

Люция замолчала обдумывая. Её мир был миром приспособления, а не подчинения. Ровная грядка для неё была странностью, а не достижением.

— Может, это твоя человеческая суть? — предположила она наконец. — Ты же всегда любил раскладывать всё по полочкам.

— Возможно, — не стал спорить я. Но, в глубине души сомневался. Это было глубже. Первичнее. Как будто сама ткань моей силы тосковала по линиям и углам.

Люция закончила с запястьями. Потом обошла стол и встала передо мной. В свете огня её шерсть отливала серебром и золотом, а сильные ноги стояли уверенно и широко. Она взяла мои ладони и прижала к своему животу, ниже пупка, где шерсть становилась мягче и кудрявее, образуя тёмный треугольник.

— Теперь моя очередь, — сказала она. — Дай мне свой запах.

Это был взаимный обмен. Не просьба, а часть ритуала. Я налил масла в ладони, нагрел его дыханием, как когда-то подглядел в ритуале старейшин. Затем начал втирать в её кожу. В тёплый животик, в бока, где прощупывались рёбра, под грудью. Её шерсть была удивительно мягкой внизу живота, а кожа под ней — горячее. Волчица издала тихое, глубокое урчание, когда мои пальцы коснулись рёбер. Её глаза полузакрылись, уши прижались к голове в знак абсолютного доверия.

— Глубже, — прошептала она. Её ладонь легла поверх моей, направляя ниже, к тому месту, где шерсть сгущалась, скрывая половые губы.

Масло смешалось с естественной смазкой, когда мои пальцы скользнули меж пухлых губ, нащупывая твёрдый, пульсирующий бугорок. Люция вздохнула. Её бедра непроизвольно подались вперёд.

— Вот... — выдохнула она. — Так... пахну я. Пахну готовностью.

Я продолжил движения, втирая масло в нежную, гораздо более гладкую, чем на остальном теле, кожу. Запах возбуждения смешивался с травяным ароматом масла, создавая одуряюще — сладкий, животный коктейль. Член напрягся, упираясь в ткань штанов. Люция открыла глаза. В них горел знакомый, жадный огонь желания. Она стянула с меня штаны одним резким движением. Затем развернулась, уперевшись ладонями в край стола, согнувшись в пояснице, и отставила одну ногу в сторону, открывая мне доступ. Хвост она отвела вбок. Приглашение было невербальным, абсолютно понятным и от этого ещё более возбуждающим.

Одно движение бёдрами и я вошёл. Плотная, живая хватка внутренних мышц обхватила. Мы оба замерли на секунду, сливаясь в этом первом, каждый раз волнующем контакте.

Затем начал двигаться. Медленно и глубоко, стараясь, чтобы скрип дерева под нашим весом не перерос в треск. Люция подалась навстречу, её бедра двигались в противофазе с хищной, отработанной грацией. Внутренние мышцы лона сжимались и разжимались в ритме, который сводил с ума, выжимая предсемя, смешивая его с женскими соками.

Я упёрся лбом в её спину между лопаток, вдыхая запах шерсти, масла и нашего соития. Закрыв глаза. И в этот момент, в пик физического наслаждения, когда сознание начало уплывать, я почувствовал это.

Не в себе. Вокруг.

Магия Дикого Роста, та самая, что жила во мне с момента битвы у Врат, отозвалась. Она всегда реагировала на сильные эмоции. Особенно на страсть, порождая всплески роста вокруг. Но сейчас... было иначе.

Взгляд упал на щель между стеной и полом у дальнего угла хижины. Там, в темноте, что-то шевельнулось. С тихим, похожим на шёпот шелестом, вылез тонкий, почти прозрачный стебелёк. Он тянулся вверх с неестественной скоростью, на глазах формируя узел, затем ещё один. На концах стебельков раскрылись листья. Идеально симметричные, парные, с чётким геометрическим жилкованием. Ничего подобного я не сажал. Ничего подобного не существовало в естественной флоре Эмбрионы. Растение было... слишком правильным. Инженерный проект, воплощённый в клетчатке и соке. Моя магия, мой внутренний «архитектор», вырвался наружу без моего ведома и начал творить по своим, непонятным мне законам.

«Оно начинает жить само», — пронеслось в голове, холодной стружкой ужаса, контрастирующей с жаром соития.

Люция, почуяв сквозь ритм движений моё напряжение, обернула голову. Голубые глаза пересеклись с моими.

— Что? — выдохнула она. Дыхание волчицы сбилось от нарастающего наслаждения.

Ответить не смог. Просто прижался сильнее и ускорил темп, пытаюсь загнать страх туда же, куда уходили все мысли. В слепую, животную ярость тела. Я схватил её за бедра, вдавливая себя в неё глубже, резче. Стол заскрипел громче. Из горла Люции вырвался сдавленный стон, который самка тут же подавила, прикусив губу. Мышцы лона сомкнулись в спазме оргазма. Волна удовольствия прокатилась по её телу и перекинулась на меня. Это спустило мой «курок». Я замер, сжав зубы, чтобы не закричать, рассматривая, как странный, геометрический росток у стены тянется ещё на сантиметр и выпускает крошечный, идеально круглый бутон.

Мы застыли, соединённые, обливаясь потом. Постепенно пульсация утихла. Я выскользнул из неё, и капли нашей смеси упали на пол. Люция обернулась, её мордашка была размыта блаженством, но в глазах оставался вопрос.

— Что случилось?

Я показал подбородком в угол. Волчица посмотрела, и её нос задрожал, улавливая запах, недоступный мне.

— Это... что это? — она нахмурилась. — Пахнет тобой. Но... холодным. Как камень. Или лёд.

— Я не знаю, — признался я, натягивая штаны. Подошёл ближе и присел на корточки перед ростком. Тронул лист. Тот был гладким, почти восковым. Совершенно чужеродным. — Моя сила. Она... эволюционирует. Или деградирует. Чёрт его знает.

Люция подошла сзади, обняла меня, прижавшись к спине.

— Мы разберёмся, — сказала она просто. — Завтра. Сейчас... ложимся и спим. А утром ты покажешь Лиру «Д», «Е» и «Ж». А я — кроличьи тропы. Договорились?

Не в силах возразить этой простой, звериной логике, кивнул. Но, ложась рядом на шкуры и прижимаясь к тёплому, пахнущему нами обоими телу, я не мог отвести взгляд от симметричного бутона в углу. Тот тускло поблёскивал в свете догорающих углей. Как осколок другого мира. Как напоминание о словах той ящерики, Каэлы, пять лет назад: «Семя, которое ты посеял, проросло не только здесь».

Возможно, она имела в виду не только долину и говорила и о том, что прорастает во мне. Сейчас, судя по этому идеальному, пугающе правильному ростку, это семя начинало давать новые, совершенно непредсказуемые всходы.

Я закрыл глаза, прижавшись лицом к шее Люции. Её пульс бился ровно и сильно. Реальная, живая, неидеальная. И в этом был смысл. В этом была жизнь. Какой бы странной и пугающей ни становилась моя сила, пока у меня есть запах её кожи, дыхание сына за перегородкой и кисловатый аромат теста на закваске — я буду держаться. Буду садовником. Даже если мой сад продолжит выращивать неизвестные мне растения. Даже если некоторые из этих растений похожи на детали машины.

Глава 2. Не так нас достают зловредные враги, как хитрожопые друзья

Утром, выйдя на кухню, первым делом я посмотрел туда, где ночью из пола вылез «идеально круглый бутон». Засыпая, я надеялся, что это были галлюцинация на фоне усталости, либо секса или гормонального взрыва. Не прокатило. Росток был на месте. Слишком ровный и слишком симметричный. Хуже всего было то, что он пах мной. Не мной «живым», а... бездушным вариантом меня. Как если бы кто-то взял мой запах, прогнал через песок, заморозил и вернул с надписью: «товар стерилизован, ультрапастеризован, рафинирован и дезодорирован».

Если бы на Земле я нашёл подобное в лабораторной оранжерее, тут же вызвал бы санэпиднадзор. Я присел возле чуда-юда на корточки и втянул носом воздух. Привычка, которую я в себе ненавидел первые два года. Сейчас делал это автоматически, как моргал.

Запах ростка бил в голову необычной взвесью. Тёплая зелёная нота, влажный древесный дух и холодок, как от расколотого камня зимой у реки. Я провёл пальцем по листику. Тот был упругим, гладким, с симметричными прожилками. Чересчур идеальными. Ни одного «косяка от природы», ни одной мелкой асимметрии, которые обычно делают жизнь живой.

— Ну конечно, — пробормотал я. — Моя магия решила заняться промышленным дизайном.

Сзади скрипнула половица. Люция положила ладонь мне на плечо. Кожа на пальцах волчицы была чуть влажной после умывания. От женщины пахло молоком и... чем-то новым. Я ловил этот оттенок последний месяц. Нежный, едва заметный «тёплый» запах, который пока не оформился во что-то отдельное, но уже поселился в доме. Будущий член семьи.

— Он хоть живой? — спросила Люция, глядя на росток так, словно решая, кусать его сразу или сначала спросить, где родители.

— Живой, — сказал я. — К сожалению.

— Пахнет... как-то неправильно, — треугольники ушек слегка дёрнулись.

— Ага. Мной, но... словно тенью... из камня.

Люция наклонилась пониже, вдохнула ещё раз, а потом внезапно лизнула листок. Я вздрогнул.

— Ты... серьёзно?

— Я пробую, — спокойно сказала волчица. — Это лучше, чем сидеть и просто пялиться на него.

Лист даже не дрогнул. Это было ещё один пункт в список «мне это не нравится». Большинство растений в долине хоть как-то реагировали на прикосновение. Вибрацией, запахом, или микроскопическим изменением влаги. Этот росток стоял, словно статуя. Как схема или чертёж.

Люция выпрямилась.

— Его нужно вырвать.

— Если я его вырву, корни смогут отрастить ему брата. Или отомстить мне геометрией по всему саду, — я поднялся и налил в кружку отвар. — Дай мне хотя бы два дня. Я хочу сначала понять, что это.

Люция внимательно на меня посмотрела. В этом взгляде было всё: любовь, терпение и осторожное «снова лезешь туда, где нормальные волки просто откусывают голову?»

— День, — согласилась она. — Но если он укусит Лира, я сожгу, как ты там выражался... «к чертям» весь твой научный интерес.

— Принято.

И вот тут, как назло, с заднего двора раздался визг.

— Ма-а-ам! Па-а-ап! Дядя Торк сказал, что я «слишком человек»!

Я вздохнул. Добро пожаловать в привычное утро.

Лир носился по двору в облике наполовину человека, наполовину волчонка. Сегодня сын выбрал вариант «человек, но с ушками и хвостиком», потому что этот режим идеально подходил для беготни, криков и претензий к взрослым в несправедливости мира.

— Как это, «слишком человек»? — спросил я, подходя к мальчику.

— Это когда ты не кусаешься, а споришь! — гордо выпалил Лир. — Я спорил! Я сказал, что если дядя Торк снова будет класть рыбу в одну кучу с мясом, то оно всё будет пахнуть рыбой, и мясо станет грустным!

— Грустным?

— Ага! — Лир махнул хвостом. — Оно же не рыба!

Я перевёл взгляд на «дядю Торка», широкоплечего соратника, которого жизнь научила двум вещам: охотиться и не спорить с беременными волчицами. Сейчас волк стоял у разделочного стола и делал вид, что его хата с краю.

— Я не говорил, что он слишком человек, — сказал Торк угрюмо. — Я сказал, что он слишком... думает.

— Это почти то же самое, — вздохнул я. — Лир, иди сюда.

Сын подбежал и уткнулся мне носом в живот. Привычка. Дети в племени проверяли взрослого на «свой/чужой» так же естественно, как земные дети проверяли карманы на наличие конфет.

— Пахнешь... — Лир вдруг нахмурился. — Пахнешь камнем.

Я напрягся.

— Что?

Лир снова вдохнул, серьёзно, по-взрослому.

— Как вчера. Когда вы с мамой... — мальчик замялся, глаза хитро блеснули, — ... «обновляли запах».

Я закатил глаза. В Эмбрионе дети вырастали в среде, где интим не табу, а часть быта. Не потому, что все вокруг извращенцы, а потому что запахи, тело и связь в стае — язык безопасности. Как печь хлеб. Не обязательно каждый раз рассказывать рецептуру, но и делать вид, что хлеб «сам на столе появился», никто не станет.

— Это... от нового ростка, — сказал я осторожно. — Я разберусь с ним.

— Он злой? — спросил Лир.

— Он... странный, — поправил я. — Но тебя он не тронет.

— Если тронет, я его укушу, — уверенно заявил Лир. Для убедительности его клыки чуть выдвинулись.

Я хотел было сказать «не стоит в принципе кусать неизвестные растения», но вспомнил, что вчера это охламон сжевал букву «Г» и выжил. Образовательный процесс в Эмбрионе вообще напоминает естественный отбор, только с поправкой на чувства. И тут воздух слегка изменился.

Сначала я уловил тонкую сладковатую ноту. Не запах дыма, мяса или шерсти. Это было что-то городское. Рынок. Пряности. Смолы. Масла. И под всем этим — аккуратная, вылизанная до блеска самоуверенность. В Эмбрионе нет случайных гостей. Каждый визит — либо беда, либо торговля, либо брачный зов. А иногда, и всё сразу.

Я вышел за дом, вытирая руки о посконные штаны. Тут же рядом возникла Люция. Нос волчицы подрагивал, а уши настороженно замерли.

— Чужой, — сказала она тихо. — Но не враг. Пахнет... торговлей. И хитростью.

— Лис? — уточнил я, потому что «хитрость» в сочетании с «торговлей» в девяноста случаях из ста означала клан Лисов.

— И не один, — добавила она, прикрыв рукой живот почти рефлекторно.

Через две минуты гости появились на верхней тропе. Трое. Впереди тот, кого я и ожидал. Хейвар Рыжий Хвост, новый вождь клана Лис после того, как его предшественник, Вель, погиб во время войны с Пустотой. За ним два молодых лиса-телохранителя, вооружённые до зубов, но с деланно-безучастными мордами.

Хейвар был воплощением лисьего изящества. Его антропоморфная форма — стройное тело, покрытое густой медно-рыжей шерстью с белыми отметинами на груди и кончике пушистого хвоста. Острая, умная морда с хитрыми янтарными глазами и большими подвижными ушами. Одет вождь был как дипломат. Лёгкий камзол из тончайшей кожи, расшитый бисером. На пояс трубка в футляре и несколько кошельков. Лис шёл легко, почти танцуя, и улыбался так, будто стремился на праздник, а не в глухую долину, пахнущую дымом и детской мочой.

— Дикий Цветок! — радостно воззвал он, ещё за двадцать шагов разводя руки. — И прекрасная Люция! Пусть солнце вечно светит на вашу обитель!

— Хейвар, — кивнул я, не двигаясь с места. Этикет Эмбрионы предписывал встречать гостя у дома, а не торопиться навстречу. Бегут к старейшинам или к тем, кого боятся. — Не ждали.

— А я всегда появляюсь неожиданно, — легко парировал лис, подходя к дому. Его телохранители остались внизу, приняв позы отстранённых наблюдателей. — Иначе сюрприз теряет остроту. Ого, и кто это у нас?

Лисий взгляд упал на Лира, который показался из-за моей ноги и смотрел на гостя во все глаза. Хвост мальчика вилял медленно, выдавая смесь любопытства и настороженности.

— Мой сын, Лир, — представил я, положив руку на серебристую голову.

— Очаровательное создание, — прошептал Хейвар, приседая на корточки. Янтарные глаза сузились, изучая мальчика с профессиональным, почти торговым интересом. — Первый из первого. Уникальный экземпляр. Здравствуй, маленький гибрид. Я Хейвар.

Лир, вместо ответа, глубже вдохнул носом. Вдруг мордочка сына сморщилась. Он отступил на шаг, по коже пробежала рябь. мех полез по рукам, нос вытянулся, а уши стали больше и острее. Через секунду перед нами стоял странный гибрид волка и лисы. Серебристая основа с рыжими подпалинами на ушах и хвосте. Лир оскалился, обнажив острые, но ещё детские клыки, и издал низкое рычание.

— Любопытно, — заметил Хейвар, не моргнув глазом. — Он не просто копирует форму. Он чувствует суть и... адаптирует её. Защитная мимикрия на инстинктивном уровне. Потрясающе.

— Лир, — строго сказала Люция, но в голосе волчицы я уловил одобрение. Волчонок правильно определил угрозу.

— Не сердись на щенка, — Хейвар поднялся, отряхивая несуществующую пыль с камзола. — Он прав. Я хитёр. Но сегодня я пришёл как друг. С тревожными новостями.

— Тогда заходи, — я отступил, пропуская гостя в дом. Люция жестом велела Лиру идти за ней внутрь.

На кухне пахло нашими вчерашними забавами, хлебом и странным, геометрическим растением в углу, который за ночь вытянулся ещё на пару сантиметров. Хейвар, войдя, обвёл взглядом помещение. Нос лиса дрогнул.

— Уютно, — констатировал он. Взгляд на секунду задержался на ростке. — И... прогрессивно. У тебя здесь даже растения по-новому растут, Дикий Цветок.

— Садовничаю, — сухо ответил я, указывая лису на скамью у стола. — Какие новости?

Хейвар устроился поудобнее, сложив лапы на животе. Его хвост свисал с лавки, а кончик подрагивал.

— По торговым путям ходят странные слухи. С юга. Говорят о «кораблях-призраках». Не парусных, нет. Металлических, длинных, как змеи. Они не шумят и не пахнут дымом. Про-

сто... скользят по воде или даже над ней. Их заметили у дальних берегов, где водятся племена морских кошачьих. Эти корабли высаживают разведчиков.

— Каких разведчиков? — спросила Люция, стоя у очага. Её поза была расслабленной, но я знал, каждая мышца женщины была готова к броску.

— Станных, — Хейвар поморщился. — Говорят, они похожи на ящеров, но... не совсем. Ходят в одинаковой тёмной одежде, скрывающей тело. Пахнут озоном и холодным металлом. Не оставляют следов в нашем понимании. Их запах... мёртвый. Искусственный. Они ничего не трогают и не вступают в контакт. Просто смотрят... Словно запоминают. А потом исчезают.

Ледяной ком сжался у меня в животе. Озон? Тот самый запах, что я уловил утром.

— Ищут что-то конкретное? — спросил я.

— Собирают информацию, — пожал плечами Хейвар. — Но есть и более тревожные слухи. Говорят, чужаки ищут... наследников.

В комнате повисла тишина. Лир, притихший у ног Люции, уставился на гостя.

— Наследников чего? — тихо спросил я.

— Древней силы, — также тихо ответил лис. Его игривость куда-то испарилась. — Ходят слухи, будто их повелительница, некая Императрица с юга... поклоняется «Безликим Богам».

Я почувствовал, как по спине пробежали мурашки, а Люция напряглась.

— Это ещё кто? — спросила волчица, в голосе которой звучало не просто любопытство, а глубинная, родовая настороженность.

— Легенды, — ответил Хейвар. Хотя глаза лиса говорили, что он в эти легенды верит. — Существа, которые были до нас. До Великих Зверей. У них не было шерсти, когтей и морд. Они строили города из блестящего камня, летали в металлических птицах и... чуть не порвали мир своими играми. Потом... исчезли. А наш мир, это то, что выросло на руинах уже их безумия. Говорят, некоторые кланы даже ведут от них свою родословную. Через Великих Зверей.

Я сидел, стараясь дышать ровно. Мои руки, лежащие на столе, выглядели обычными. Человеческими. Без когтей и шерсти. «Безликие Боги». Люди? Он говорит о людях?

— И почему они вдруг заинтересовались... наследниками? — выдавил я.

Хейвар посмотрел на меня долгим, пронизательным взглядом. Потом на Лира. Потом снова на меня.

— Говорят, что сила «Безликих» не исчезла полностью. Она... дремлет. В крови. В земле. В случайных мутациях. А что такое Пробудившийся, как не мутация? — Он откинулся на спинку скамьи. — Я не обвиняю тебя, Дикий Цветок. Просто предупреждаю. Если эти «корабли-призраки» ищут следы древней силы... то твоя долина, твоя семья и твой уникальный сын — самый яркий след на всём континенте. После того как ты победил Пустоту.

Тишина стала густой, как смола. Я видел, как рука Люции снова непроизвольно легла на живот. Защитный жест.

— Зачем ты рассказываешь нам это? — спросила волчица, почти рыча. — Что тебе с этого?

— Выживание, — просто сказал Хейвар. — Мои торговые пути — это мои вены. Если по ним поползут... существа с мёртвым запахом, торговля умрёт. Хаос принесёт убытки. А я не люблю убытки. Кроме того, — лис снова улыбнулся, но в этой улыбке уже не было веселья, — ты, Александр, оказался довольно полезным союзником в прошлый раз. Живой, непредсказуемый. А в мире, который пахнет новой бурей, такие союзники на вес золота.

Хейвар встал и поправил камзол.

— Я передал что хотел. Теперь ваша очередь решать, что с этой информацией делать. Прятаться или строить крепость. — Лис пожал плечами. — Моя работа — знать и предупреждать. А ваша — выжить.

— Спасибо, — сказал я, тоже поднимаясь. Ноги казались ватными.

— Не за что, — Хейвар сделал шаг к двери, потом обернулся. — О да. Чуть не забыл. Принёс вам подарочек. С южного рынка. Новинка.

Он достал из складок камзола маленький тканевый мешочек, завязанный серебряной нитью, и протянул мне.

— Что это? — настороженно спросил я не принимая.

— Пыльца драконьей орхидеи, — таинственно прошептал лис. — Очень редкий цветок. Растёт только в жерлах потухших вулканов. Его аромат... возбуждает не только желание, но и ясность ума. Говорят, он помогает видеть суть вещей. Попробуй. Вдруг пригодится.

Я осторожно принял подарок. Мешочек был тёплым и пульсировал едва уловимым, странным ритмом.

— Я не торгую феромонами, — признался я твёрдо, вспоминая историю с Морваной.

— И я тоже! — возмутился Хейвар. — Но это не феромоны. Ароматерапия. Искусство. Наслаждение. Как хорошее вино. Ты же человек, должен понимать разницу между химическим принуждением и изысканным букетом.

С этими словами лис вышел, помахав на прощание хвостом. Первой заговорила Люция. Голубые глаза были прищурены, а уши прижаты.

— Он лжёт, — сказала она.

— В чём? — спросил я.

— Не во всём. Но Хейвар что-то скрывает. И этот мешочек... — она указала на него когтем, — пахнет не просто цветком. Пахнет чужим. Опасным. И... привлекательным. Нарочито привлекательным.

Я развязал мешочек и высыпал немного пыльцы на ладонь. Мелкие, золотистые гранулы, искрящиеся на свету. Запах тут же ударил в нос — сложный и многослойный. Сладкая ваниль, горький миндаль, дым, и под всем этим тонкая, острая нота, которая возбуждала самые глубокие рецепторы. Я инстинктивно отдернул руку.

— Он играет, — прошептала я. — Лис всегда играет. Но теперь он играет с нами, как с фигурами на доске.

— Хейвар сказал правду о кораблях, — уверенно заявила Люция. — Этот запах... озон и металл. Я его чувствовала неделю назад. На восточном ветру. Думала, показалось.

Я сгрёб пыльцу обратно в мешочек и завязал.

— Что будем делать?

— А что делает стая, когда чует охотников? Готовиться. Учить щенков прятаться. И метить территорию.

Последние слова она произнесла с особым, твёрдым акцентом.

Днём я пытался заниматься привычным: травы, грядки, сушка, проверка ловушек, разговоры с дозорными. Но мозг словно застрял на запахе. На чужом, «южном» запахе, который Хейвар принёс в наше логово. Теперь, мне казалось, он цеплялся к воздуху, как репей. Я стоял у своих гибридов и смотрел, как лист на одном из растений слегка изменяет форму. Жилки выстраиваются слишком ровно, слишком... аккуратно. Как будто растение только что узнало о существовании линейки.

— Нет, — тихо сказал я. — Даже не начинай.

Лир неподалёку ковырялся палкой в земле.

— Пап, а почему лис воняет?

— Он не воняет, — поправил я. — Он пахнет... опасно.

— А я буду пахнуть опасно, когда вырасту?

— Ты будешь пахнуть так, как сам этого захочешь. Только не делай из этого оружие.

Мальчик задумался и, как всегда, неожиданно выдал:

— А мама делает из запаха оружие.

Я посмотрел на Лира. Сын был прав. Остаток дня, долина жила в повышенном тонусе. Предупреждение Хейвара я передал с гонцом Аграну и другим старейшинам. Патрули были усилены, а подходы к долине силами нашей коммуны, были завалены хворостом с колючими лозами. Примитивно, но быстрый прорыв это вполне могло задержать. Лира мы с Люцией не отпускали от себя ни на шаг. Но, главное напряжение зависло меж нами. Оно было плотным, почти осязаемым. Люция ходила за мной по пятам, её нос постоянно вздрагивал. Волчица чувала на мне следы визита Хейвара. Этот проклятый мешочек с пылью, который я запер в железную шкатулку, казалось, отравлял воздух во всём доме. К вечеру я не выдержал.

— Хватит, милая, — сказал я, останавливаясь посреди комнаты. — Ты ходишь за мной, словно тень. Что случилось?

Люция подошла вплотную. Голубые глаза горели в полумраке.

— Ты пахнешь чужим, — выдохнула волчица. Её голос был низким и хриплым. — Его хитростью. Его игрой. Лис намеренно оставил на тебе этот запах. Как вызов. Как... метку.

— Я ничего не...

— Ты принял его подарок, — перебила она. — Добровольно. Для тебя это просто пыльца. Для меня... Он коснулся моей территории. Моей стаи.

Я понял. Это был не просто ревность. Инстинкт. Звериный, непоколебимый. В её мире запахи были языком, а чужие метки на партнёре — актом агрессии.

— И что ты хочешь? — спросил я, понимая, к чему идёт дело.

— Смыть его. Прямо сейчас.

Люция развернулась и пошла в заднюю часть двора, где стояла большая деревянная бочка, которую мы использовали как ванну. Я, поколебавшись, последовал за ней. Волчица перелила в бочку горячую воду из котла, висевшего над очагом. Пар поднимался густыми клубами, распространяя запах трав, которые женщина щедро бросала в воду. Мята, чабрец и полынь.

— Раздевайся, — приказала она не оборачиваясь.

Я снял одежду. Воздух был прохладным, и кожа тут же покрылась мурашками. Люция, закончив приготовления, обернулась. Её глаза скользнули по моему телу, но не с желанием, а с оценкой. С проверкой.

— Залезай.

Я перелез через высокий борт и погрузился в обжигающе горячую воду. Вдохнул от удовольствия и боли одновременно. Люция, скинув с себя набедренную повязку и топ, залезла ко мне. Бочка была тесноватой для двоих. Её мокрая шерсть тут же прилипла к коже, обнажая контуры мускулов и округлый живот. Волчица взяла грубую мочалку из луба и начала тереть мне грудь, плечи и спину. Сильно. Почти до боли. Как будто стирала не запах, а столетнюю грязь, въевшуюся в поры.

— Он думает, что он умнее, — бурчала она, работая мочалкой. — Что его духи, его пыльца, его слова могут затуманить твой разум. Могут влезть между нами.

— Они не лезут, — пробормотал я, закрывая глаза. Горячая вода и яростные прикосновения парадоксальным образом расслабляли.

— Я знаю, — Люция перешла на мои руки, тщательно обрабатывая каждую складку на запястьях, где, как она считала, запахи осели сильнее всего. — Но он должен знать это тоже. И ты должен помнить, кто ты.

Волчица отложила мочалку. Вода в бочке была уже мутной от трав. Люция придвинулась вплотную, и мокрое тело плотно прижалось к моему. Её ладони обхватили мне шею.

— Теперь моя очередь, — прошептала она. Женский голос потерял ярость, наполнившись чем-то тёмным и влажным. — Моя метка.

Губы с мягким пушком вокруг слегка коснулись моей шеи. Не для поцелуя. Провела носом по коже, вдыхая и проверяя. Потом шершавый и горячий язык, прошёлся по тому же

месту. Следом зубы. Осторожно. Люция не кусала, нет. Она сдавила кожу между клыками, оставляя чёткий, влажный отпечаток. Маркировку.

По моему телу пробежала дрожь, от чего-то древнего и первобытного. В стае это был акт заявления прав. Примитивный, животный, и от этого невероятно возбуждающий. Клыки скользнули ниже, к ключице, оставив там такой же след. Потом переместились к соску, который женщина слегка посасывала, пока тот не затвердел. Моё дыхание участилось. Член в воде напрягся, упёршись в живот волчицы.

— Ты мой, — выдохнула она прямо на кожу груди. Рука Люции опустилась под воду, обхватила мой член и сжала его, не двигаясь, просто утверждая владение. — Мой самец. Отец моих щенков. Моя часть стаи. Никакой лисий дух этого не изменит.

Люция отпустила моего бойца и, развернувшись в тесной бочке, свесилась с бортика, опершись руками о борт. Спина, покрытая мокрой серебристой шерстью, выгнулась. Хвост она отодвинула в сторону, открывая взгляду округлые, полные ягодички и смуглые, уже влажные от возбуждения и воды лепестки плоти.

— Повтори, — приказала она, глядя на меня через плечо. Голубые глаза горели в облачках пара.

Я не заставил себя долго ждать. Резко встал, вытеснив из бочки излишек воды. Руки легли на её бёдра, шерсть под пальцами была скользкой и горячей. Нашупал вход и одним мощным движением вошёл в неё. Горячая, тесная, пульсирующая плоть обхватила меня. Мы застонали синхронно — она приглушённо, я чуть громче. Я начал двигаться. Ритм задавала она, откидываясь назад на каждый толчок. Бочка скрипела, вода выплёскивалась через край на землю. Пар застилал зрение. Мир сузился до хлюпающих звуков, хриплого дыхания, запаха трав и её шерсти.

Внутренние мышцы сжимали меня с каждой фрикцией, выжимая предсемя, смешивая с её соками. Я держал её за бёдра, вдавливая себя глубже и глубже, чувствуя, как женское тело отзывается волной сжатий. Когда оргазм накатил, Люция подавила вой, превратив его в стон. Её тело затрепетало. Внутренние спазмы стали почти болезненными в своей интенсивности. Это сорвало и меня. Я вонзился в последний раз, заполняя семенем лоно, заполненное водой и её собственными выделениями.

Мы замерли, тяжело дыша. Потом я осторожно вышел. Люция медленно выпрямилась и обернулась. Её морда была расслабленной, глаза полузакрыты. Она приложила ладонь к моей груди, прямо над сердцем.

— Теперь ты пахнешь мной, — тихо сказала она. — Домом... И безопасностью.

Дальше мылись уже спокойно, без ярости. Вылезли из остывшей воды, вернулись в дом и вытерлись грубыми полотенцами. Лир к этому времени уже крепко спал, не потревоженный нашими страстями. Мы легли на кровать, прижавшись друг к другу. Её спина к моей груди, моя рука на её животе.

— Завтра, — прошептала она уже сквозь сон, — я пойду с патрулем. Проверю восточные тропы.

— Я с тобой.

— Нет. Ты останешься с Лиром. — её рука легла поверх моей на её животе. — Ты наш якорь, Саша. Если что-то случится... ты должен быть здесь. Чтобы защитить их.

Я хотел возразить, но понимал — она права. Моя сила была непредсказуемой, дикой. Её сила была острой и точной, словно кинжал. Для разведки волчица подходила больше.

— Будь осторожна, — сказал я, прижимаясь губами к мокрой после купания шерсти на затылке.

Люция что-то промурлыкала в ответ и заснула. Я же лежал и смотрел в потолок, вдыхая воздух, в котором теперь безраздельно властвовал её запах. Запах моей женщины. Аромат дома.

Посреди ночи проснулся от тонкого аромата озона. Я сел на кровати и замер прислушиваясь. Люция мгновенно открыла глаза. Волки не просыпаются, они включаются, словно торшер.

— Что? — шепнула она.

— Ветер, — сказал я. — С Юга.

Мы тихо встали и вышли на крыльцо. Пред взором раскинулась тихая, дышащая долина. Три реки ярко блестели под лунами. Вдалеке — лес, горы, граница, за которой обитают другие кланы. Всё выглядело, как обычно. Кроме одного. На самом краю горизонта, там, где небо касалось холмов, мелькнул слабый холодный отблеск. Не огонь. Не светлячки. Что-то ровное и геометрическое. В этот момент мой «симметричный росток» у стены дома тихо дрогнул и выпустил второй лист. Причём блеснул так, словно в нём было чуть-чуть кристалла.

Люция зарычала низко, почти беззвучно. А на краю моего сознания, как назойливая мошкара, звенела фраза Хейвара: «Они ищут наследников». Наследие «Безликих Богов». Которое, судя по всему, уже проросло не только в долине, но и во мне. И теперь за этим наследством охотились.

Глава 3. На минуту проснулась человечность, но мы с ней быстро договорились

На третий день после визита Хейвара Люция заявила, что пора. «Пора» в лексиконе волчицы означало что-то неотвратимое. Как смена времён года или необходимость дышать. В данном случае, по её мнению, пора учить Лира настоящей охоте.

— Он уже достаточно взрослый, — заявила Люция, наблюдая, как сын в волчьей форме гоняется за солнечным зайчиком. — Инстинкты рвутся наружу. Если их не направить сейчас, он начнёт охотиться на куропаток в загоне. Или... на котят Торка.

Я вздрогнул. У Торка действительно месяц назад окотилась кошка. Три пушистых комочка уже пытались карабкаться по стенам хижины. Мысль, что Лир может принять их за дичь, заставила сдаться без боя.

«Кошка Торка», это словосочетание вызывало когнитивный диссонанс. Эмбриона была миром антропоморфных существ: волков, лис, медведей. Человекоподобных созданий, чей облик и культура произрастали из звериной основы, но при этом они ходили на двух ногах, разговаривали, строили дома и спорили о политике. Параллельно с разумными видами существовал и привычный, животный мир. Те самые кролики, на которых мы охотились. Олени в лесу. Птицы в небе. И да... кошки. Не говорящие.

Каюсь. В первое время я думал, что все обитатели Эмбрионы разумны. Но нет. Разделение было чётким, хоть и необъяснимым. Почему одни представители вида эволюционировали в разумных антропоморфов, а остальные — нет? Почему Люция, с её пониманием абстрактных концепций, и тот же кролик, чей мир ограничивался страхом, голодом и размножением, принадлежали к одному биологическому царству, но при этом, словно к разным вселенным? За пять лет после вынужденного «переезда» у меня появилось несколько теорий.

Первая, самая простая: магия. Какая-то древняя волна магической радиации дала разум одним и прошла мимо других. Но это не объясняло, почему разумными становились по большей части хищники или крупные травоядные, а не всё подряд.

Вторая теория, более зловещая, пришла в голову после разговора с Урсой о Пробудившихся. Что, если антропоморфы это не естественный этап эволюции, а результат генетических экспериментов тех самых «Безликих Богов»? Они взяли базовые формы жизни и «усовершенствовали» их, встроив потенциал разума и прямохождения, создавая себе слуг, солдат или просто игрушки для секса. А обычные животные, это либо неудавшиеся эксперименты, либо неизменённый фон, оставленный для поддержания экосистемы. Что-то вроде живого декора или продовольственной базы.

Эта мысль вызвала у меня тошноту. Выходило, что Люция, её стая и даже мой собственный сын — продукт древнего, высокомерного вмешательства. А охота, на которую мы собирались, была не священным законом природы, а инсценировкой, где одна генетически модифицированная игрушка преследует другую, не модифицированную. Дикий, первобытный театр, режиссёры которого давно исчезли с лица планеты.

Год назад мне в голову пришла третья версия. Самая скучная и потому, вероятно, самая правдоподобная. Не «почему магия дала разум», а «кому вообще есть куда этот разум положить». Здесь всё завязано на способность существ удерживать устойчивое «я», не расплескав себя по инстинктам. Разумными логичнее всего становятся те, у кого ещё до всякой магии было развито «мы». Стаи, прайды, семейные группы, строгие роли. Волк и без магии умеет жить правилами. Лев — статусом. Медведь — памятью мест и привычек. Им проще добавить сверху культуру, речь и политику. А кролик... кролику в норме хватает трёх программ: «жрать», «спариваться» и «не быть съеденным». Дай ему сознание, получишь невротика, который умрёт от

паники раньше, чем оставит потомство. Природа, даже магическая, не любит инвестировать в то, что не окупится.

Я отогнал все сторонние мысли. Не время. Сейчас было важно, чтобы Лир научился отличать дичь от сородича. Чтобы он понял разницу между котятами Торка и диким кроликом. В мире Эмбрионы эта граница была тоньше паутины и крепче стали одновременно. Моему сыну предстояло научиться её чувствовать. Не умом, сущностью. Потому что ошибка стоила бы не выговора, а крови. Чужой или собственной.

Лир продолжал носиться вокруг дома, взбивая лапами росу. Серебристая шерсть блестела, хвостик стоял трубой, уши улавливали всё подряд. От писка мышей на дальней поляне до голосов внизу, где просыпалось наше компактное племя. Да, племя. Я привык произносить это слово без внутреннего смеха, но всё равно хотелось в конце добавить: «и председатель сельсовета».

Снизу тянуло утренним бытом: дымом, закипающим котлом, кисловатым духом ферментации и свежей шерстью. Сложный коктейль: тепло тела, древесины, жир, и ещё что-то такое... уютное. В чём нет ни капельки лицемерия. Ни единого — «я не такой». Вот я, вот моя стая, вот наши границы.

— Ладно, — вздохнул я, глядя на серебристый комочек азарта. — Но только на кролика и я иду с вами.

Люция посмотрела на меня с выражением, которое я про себя называл «взгляд на милого, но глупого человечка».

— Ты будешь мешать, — сказала волчица без обиняков. — Ты пахнешь тревогой... и саблезубом. Спугнёшь добычу за километр.

— Тогда я буду следовать на расстоянии. И постараюсь... не пахнуть. Щас... придумаем что-нибудь.

В итоге я вымазался илом из реки, смешанным с полыньёй и мятой. Метод, позаимствованный из фильма «Хищник». Скажем так, получилось не очень. Я вонял словно болото, переспевший сыр и зубная паста одновременно. Люция, едва сдерживая смех, кивнула: «Сойдёт. Хуже уже не будет».

Лир всё это время пребывал в диком восторге. Он метался между нами, то превращаясь в хвостатого мальчика, то обращаясь в волчонка, не в силах удержать облик.

— Спокойно, — приказала Люция, хватая щенка за загривок. Волчонок замер, но продолжал дрожать от нетерпения. — Охота, это тебе не игра, а работа. Ты должен слушать, слышать и чувствовать. И делать всё так, как я скажу. Понял?

Сын твякнул в знак согласия. Голубые глаза горели такой серьёзностью, что мне стало одновременно смешно и тревожно. В моём прошлом мире в его возрасте дети увлечённо ломали игрушки или смотрели мультики на планшете. В Эмбрионе четырёхлетний ребёнок готовился к своему первому убийству. И это считалось нормой.

Мы направились по тропе вниз, мимо цепочки избушек. Тут случилось то, что каждый раз заставляло мою земную прошивку подвиснуть. Под дровяным навесом молодая пара... скажем так, «прихорашивалась». Волчица стояла, чуть наклонив голову, а волк медленно вылизывал ей загривок. Не эротически напоказ. Не ради зрителей. Это был утренний ритуал. Как у нас на Земле «затянуть мужу галстук» или «поцеловать в щёку перед работой». У волков таковым был язык статуса и близости. Каждый раз это цепляло часть моего разума, которая всё ещё реагировала на любые телесные ритуалы. Другая часть одновременно стыдила: «Александр Сергеевич, хватит пялиться, ты же взрослый человек».

Я поспешно отвернулся и сделал вид, что чрезвычайно заинтересован структурой коры у дерева неподалёку. Люция заметила? Конечно, заметила. Её хвост нервно качнулся.

— Не таращся, — сказала она тихо. — У пары всё хорошо.

— Я не таращусь, — соврал я.

— Таращишься, — безжалостно уточнила она. — Просто научился делать это культурно. Вот спасибо. Я расту как личность. Лир, в отличие от меня, не испытывал ни стыда, ни замешательства. Сын поднял голову, вдохнул и радостно сообщил:

— Они смешно пахнут!

Волк услышал, повернул голову, приветственно склонился и рассмеялся.

— Пахнем, потому что живые, — сказал он. — И потому что у нас есть кого беречь.

Люция повела нас не в гущу леса, а на его опушку, где росли молодые кусты и густая трава. Идеальное место для кроличьих нор. По пути она то и дело останавливалась, заставляя Лира принахиваться и слушать.

— Чуешь? — спрашивала волчица, указывая мордой на едва заметный след на влажной земле.

Лир тыкался носом в землю, фыркал и таявкал: «Нет!» Тогда Люция терпеливо объясняла:

— Это кролик. Прошёл на рассвете. Видишь, следы глубокие. Он был тяжёлый, сытый и двигался, не спеша. Охота на такого, не даст навыков. Ищи быструю добычу.

Я следовал за родными, ловя себя на том, что смотрю на лес совершенно другими глазами. Не как ботаник, видящий виды и семейства, а как... часть пищевой цепочки. Каждый звук, каждый запах и каждая сломанная травинка несли информацию. Этот мир не просто существовал, он общался. И язык его был языком голода, страха и выживания.

Вдруг Люция резко остановилась и подняла руку. Лир тут же замер, прижав уши. Я едва успел спрятаться за толстым стволом дерева.

— Смотри, — тихо сказала альфа сыну, указывая на поляну впереди. — Кролик.

Я пригляделся. Сначала увидел только траву и цветы. Потом разглядел... Сидит, неподвижный, лишь нос подрагивает. Серенький, ушастый, совершенно идиллическое создание. У меня ёкнуло сердце. В детстве у соседей был подобный декоративный милаш, пушистый и глупый. Мы с другом часто кормили его морковкой.

— Запомни его запах, — продолжала наставлять Люция. — Запомни, как он сидит, как дышит. Видишь, он настороже, но ещё не испуган. У него есть путь к отступлению. Нора слева, за той корягой. Значит, нужно отрезать этот путь. И сделать это тихо. Не ломиться напролом. Ты не должен просто бросаться. Ты должен стать частью леса. Стань тенью и выбери момент. Иначе останешься голодным.

Лир слушал, раскрыв пасть. Хвост юного хищника напряжённо замер.

— Сейчас покажу, — сказала Люция. — Следи.

Она исчезла. Не в переносном смысле. Буквально растворилась в лесной чаще. Одна секунда, волчица была здесь, следующая — лишь лёгкое шевеление листьев в десяти метрах левее. Я, хоть и видел такое не раз, вновь поразился. Это была не магия, а чистый, отточенный тысячелетиями эволюции навык. Люция двигалась бесшумно, используя каждый камень, каждую кочку, каждый участок тени. Через пару минут она оказалась с противоположной стороны от кролика, отрезая тому путь к норе.

Зверёк что-то почуял. Его нос задвигался быстрее. Кролик повернул голову, готовясь к бегству. Но, было поздно. Люция выскочила из укрытия коротким, точным рывком. Кролик метнулся, но всего два прыжка и волчица накрыла его. Быстро, почти милосердно. Хруст шеи. Тишина.

Люция подняла голову, держа в руках добычу. Она подошла к нам, положив кролика перед Лиром. Тот смотрел на тушку широко раскрытыми глазами.

— Вот, — сказала Люция, облизывая губы. — Теперь твоя очередь. Повтори, что я показала. Используй нос и уши, но не теряй голову.

Она повела нас дальше, искать новую цель. Теперь для Лира. Мы вышли к небольшому ручью, где на глинистых берегах было полно следов. Тут я заметил кое-что странное. На уровне груди на коре располагались царапины, складывающиеся в некий узор. Параллельные линии,

пересечённые двумя дугами, и ещё одна линия ниже, чуть глубже, как подпись. Под узором находилась ветка, на которой кора была аккуратно содрана полосой. На голом древесном слое блестела тонкая плёнка смолы, от которой шёл запах. Тёплый. Сладковатый. С лёгкой горчинкой. И ещё нотка, от которой внутри невольно щёлкнуло. Это был запах, который человеческий мозг считывал как «интимный».

— Это что? — спросил я раньше Лира.

Люция посмотрела на меня так, словно я спросил, почему вода мокрая.

— Брачный след, — сказала она. — Радостный.

— Радостный? — переспросил я.

— Его оставляют, когда всё... получилось, — Люция наклонилась к ветке, вдохнула и фыркнула, почти весело. — Когда пара не просто... «вместе», а... осталась довольна.

Лир подпрыгнул на месте.

— А почему ветка пахнет?

— Потому что на ней оставили след, — Люция ткнула носом в полоску коры. — Видишь? Сняли. Смола пошла. А потом... — волчица замялась на секунду, подбирая слова для ребёнка. — Потом оставили на ней свой запах. Чтобы другие знали: здесь была радость. И чтобы самим потом помнить об этом.

Я уставился на ветку, словно ботаник, которому только что показали «дневник отношений, вписанный в физиологию дерева». Это было не просто «пометили территорию». Это было... социальное сообщение, встроенное в экосистему. Дерево становилось носителем памяти, смола — средой фиксации запаха, а кора — текстом. И всё это в лесу, где любой может пройти и прочесть «радостное» послание. На Земле за такое дали либо премию за современное искусство, либо повестку от участкового.

— То есть... лес местами — это дневник? — спросил я.

Люция кивнула.

— Да.

— И это нормально?

— Да.

Я вздохнул.

— Охренеть. На Земле подобные «дневники» прятали под матрасом. Здесь же, оставляют на деревьях. Экономия бумаги, экологично и развивает обоняние.

Лир тем временем уже вынюхивал ветку, радостно чихая.

— Пахнет щекотно!

— Не трогай, — велела Люция. — Это чужое.

Лир застыл.

— Почему чужое нельзя?

Люция наклонилась к сыну и сказала очень серьёзно:

— Потому что чужая радость не твоя игрушка. Понял?

Лир опустил уши.

— Понял.

Я поймал себя на том, что мне такой подход нравится. Не «чужое нельзя» из ханжества. А «чужое нельзя» из уважения. Простой принцип, который на Земле часто ломается, потому что мы предпочитаем считать себя центром мира.

— Смотри, пап! — Лир ткнул носом в другую сторону.

Там на камне, лежала аккуратная кучка блестящих камушков и ракушек. Рядом отпечаток лапы с явно подкрашенными подушечками какой-то охрой.

— Это тоже метка, — сказала Люция. — Но уже другой пары. Более... игривой. Они оставляют друг для друга подарки. Показывают, что думают друг о друге даже в разлуке.

— Они что, реально всё это оставляют? — спросил я.

— Да, — сказала Люция. — Если пара крепкая, она не боится. Боятся те, у кого всё шатко.

— Философия на уровне химии, — пробормотал я.

— На уровне жизни, — поправила Люция. — Ведь запах всегда решает.

Я хотел пошутить, но не стал. В этом мире действительно многое решается запахами. И не только «кто с кем». А кто кому доверяет, кто врёт, кто боится, кто голоден, кто болен, кто готов напасть. Мы прошли ещё немного, и я увидел целую галерею подобных «посланий». Лежанки, украшенные цветами. Подвешенные на ветках ленты из бересты с именами. Выцарапанные на коре сердца. *«Сердца, Карл! На Эмбрионе используют такую символику?»* Эта часть нашего леса напоминала гигантскую социальную сеть, где вместо постов были запахи и царапины, а лайки выражались количеством перьев в лентах.

— А это что? — спросил я, указывая на две пары следов, которые сходились под деревом.

Люция понюхала и заурчала смешком.

— Это не метка. Это... само событие. — В глазах волчицы заиграли чёртики. — Пара здесь спаривалась. Вчера, судя по запаху. Быстро и страстно. Потом самка осталась отдыхать, а самец ушёл по делам.

Я почувствовал, как краснею. После пяти лет в этом мире такие откровенности всё равно заставляли меня врасплох. Люция, заметив реакцию, весело ткнула меня носом в шею.

— Не смущайся, Цветочек. Это жизнь. Они не стеснялись, и лес это помнит. И это хорошо. Значит, стая будет расти.

Мы пошли дальше, а я не мог отделаться от мысли, что для волков интим — не то, что прячут, а то, что празднуют. Следы любви были такими же естественными и значимыми, как следы охоты. Одно поддерживало жизнь, другое продолжало её. И всё это было частью единого, большого, живого организма.

Тем временем Люция нашла для Лира нового кролика. Молодого, пасущегося далеко от норы.

— Внимание, — прошептала она, отводя сына в укрытие. — Видишь? Он молодой и глупый. Но быстрый. Ты должен быть быстрее. И помни — не прыгай в лоб. Зайди сбоку, отрежь путь к укрытию.

Лир сделал шаг. Потом второй. Потом остановился. Люция тихо щёлкнула зубами — сигнал: «медленнее». Сын замер, а потом... вдруг пополз. Плавно, низко, по-волчьи. Это было так не похоже на его домашние прыжки, что внутри что-то ёкнуло. Гордость, страх, умиление — всё в одной смеси. Я шёл за ними на расстоянии, стараясь наступать мягко и... разумеется, наступил на ветку.

ХРУСЬ.

Люция даже не повернула голову. Но хвост её резко дёрнулся в обещании: «я убью тебя позже». Лир замер и оглянулся. Сын посмотрел в мою сторону так, что даже без слов было ясно: «пап, ну ты серьёзно?»

— Извините, — прошептал я. — Я... габаритный.

Это было правдой. В этом мире я до сих пор ощущал себя неуклюжим. Человек не создан для леса, который читает тебя по запаху и звуку. Человек создан для офисных коридоров и ковриков «добро пожаловать».

Лир вдруг поднял голову, уши встали.

— Кролик, — в волчьей форме «шёпот» сына был невероятно смешным. Эдакое тихое фырканье.

Люция тут же стала иной. Не «мамой» и не «женой». Охотницей. Тело волчицы собралось в ту пружину, которой я всегда восхищался и даже слегка побаивался. Она посмотрела на Лира.

— Носом, — подсказала она. — Не глазами.

Я смотрел и старался не вмешиваться. В голове всплыли кадры из документалки, в которой львица учит львёнка охоте, а голос за кадром объясняет, что это «важный этап социализации» в стае.

Лир кивнул, максимально сосредоточившись. Маленькое тело дрожало от напряжения. Люция отступила, давая сыну пространство. Ладонь учительницы на секунду легла на живот. Жест бессознательный, защитный. Моя волчица волновалась. Не только за сына, но и за ту, кто ещё не родилась.

Сын рванул. Но рванул, как и большая часть мужского населения во вселенной, напролом. Забыв все наставления, он помчался прямо на кролика, издав восторженный визг. Кролик, естественно, метнулся в сторону и помчался к норе. Лир, не сбавляя скорости, нёсся за ним. Это было эпично и совершенно бессмысленно. Я уже приготовился к провалу, как вдруг Лир... резко свернул. Его как будто развернуло инстинктом. Волчонок описал дугу и оказался между кроликом и спасительной норкой. Обескураженный кролик попытался рвануть в другую сторону, но потерял темп. Лир прыгнул.

Не идеальным, взрослым броском, прыжком щенка. Неуклюжим, перегруженным эмоциями. Он промахнулся, но успел вцепиться зубами в заднюю лапу. Кролик заверещал и забился. Лир, не ожидавший подобной реакции, вмиг растерялся. Волчонок держал добычу, но не знал, что делать дальше. В этот момент азарт, адреналин и инстинкты сыграли с мальчиком злую шутку.

На глазах шерсть начала стремительно втягиваться. Лапы удлинились, превращаясь в руки и ноги. Мордочка сплющилась, став лицом человека. Через пару секунд голый четырёхлетний пацан, сжимал в зубах заднюю лапу живого, отчаянно дёргающегося кролика. Картина казалась сюрреалистичной. Лир распахнул голубые глаза, полные удивления и вопроса. Он выплюнул лапу и уставился на кролика, который, воспользовавшись паузой, рванул прочь и скрылся в кустах.

Наступившую тишину разрезал смех Люции. Волчица подошла к сыну, села рядом и обняла.

— Ну что, охотник? — спросила она, вытирая слёзы. — Ушла добыча?

Лир посмотрел на свои руки, потом на кусты, куда скрылся кролик. Нижняя губа мальчика задрожала. Я уже приготовился к рёву, но вместо этого сын вдруг... рассмеялся. Хохотал, глядя на свои человеческие ладони, как будто впервые увидел их.

— Я... стал человеком! — воскликнул Лир, будто это было самым удивительным открытием на сегодня.

— В самый неподходящий момент, — заметила Люция. В голосе матери не было осуждения. — Инстинкт пересилил форму. Бывает. Зато ты держал его и почувствовал вкус добычи. Это главное. Остальному научишься.

Она потрепала мальчика по голове. Лир, всё ещё смеясь, обернулся обратно в волчонка, как будто проверяя, что ещё может. Потом снова стал мальчиком.

— Я его поймал, — заявил он гордо. — Почти.

— Почти не считается, — сказал я, подходя ближе. — Но для первого раза неплохо. Ты отрезал ему путь. Это уже круто.

Лир выдохнул. И вдруг чисто по-детски, резко сменил тему:

— А почему я голый?

Я не выдержал и тихо фыркнул.

— Потому что ты у нас уникальный. И потому что одежда не умеет обращаться вместе с тобой. Увы.

Люция сняла с пояса небольшую накидку и повязала на талию Лира. Мы посидели ещё немного, обсуждая итоги охоты, пока сын не начал зевать. На обратном пути он уже не бежал впереди, а плёлся рядом. Люция шла молча, её ладонь снова лежала на животе.

Когда мы вернулись в долину, солнце перевалило за полдень. Патруль сообщил, что всё спокойно и чужих запахов не обнаружено. Однако тревога, посеянная Хейваром, никуда не делась. Она висела в воздухе, как предгрозовое затишье.

На общем дворе было шумно. Кто-то рубил мясо, кто-то ругался из-за котла, дети носились между домами. Аскет по прозвищу Сухой Клык, облокотившись на столб, смотрел на всё это с выражением «я видел и хуже, но это тоже неплохо».

— В общий котёл? — спросила Лина, пара Торка, заметив добычу на поясе Люции.

Лир тут же нашёл повод для хвастовства.

— А я сегодня почти поймал своего!

— Ого, — волчица оскалилась в улыбке. — Да ты теперь юный охотник.

Лина подошла к мальчику и... быстро лизнула его в лоб. Коротко. Словно печать. Сын замер, потом расплылся в улыбке. Был бы у мальчика хвост, оторвался бы от радости.

— Это что? — спросил я шёпотом Люцию, стараясь звучать нормально.

— Поздравление, — сказала Люция. — Так делают в стае. Чтобы запах удачи закрепился.

— Удача теперь пахнет слюнями?

— Удача всегда пахнет телом. Не занудствуй.

Я заткнулся. Уела. Мы занесли добычу в дом. Внутри пахло хлебом, травами и тёплым деревом. Моей любимой комбинацией запахов. Потому что она означала простую вещь: мы живы. Я снял с Лира накидку, и мальчик тут же вспомнил про свою проблему.

— Пап, а... я могу остаться голым, пока мы кролика разделяем?

— Нет, — сказал я. — Ты должен одеться, пока твой отец не получил сердечный приступ оттого, что у него в доме снимают серию «Юного Декстера».

Лир задумался и выдал:

— А почему у волков нормально, когда они без одежды?

— Потому что волки не связывают тело и стыд, — ответил я. — Для них тело, это просто тело. Оно бежит, ест, дерётся и любит. И всё.

— А у людей разве не так? — не унимался Лир.

Я на секунду завис. Как объяснить четырёхлетнему, что человеческое тело стало политикой, моралью, товаром и поводом для невротизма?

— У людей всё... сложнее, — сказал я честно. — Там много правил. Зачастую глупых.

Лир кивнул с выражением «понял, но мне всё равно». Люция принесла ему простую рубаху. Он надел её кое-как, задом наперёд, но выглядел счастливым.

— Теперь, — сказала Люция, — помоги отцу разделить добычу.

Лир принёс кролика. Пришлось снова включить «ботаника», чтобы не утонуть в эмоциях. Разделка добычи — это вам не романтика. Физиология, работа, запах крови и тёплых внутренностей, которые ещё хранили тепло. То, что на Земле люди предпочитают не видеть, потому что «мясо, должно быть, на полочке супермаркета в пластиковом лоточке». Я приступил к разделке. Лир иногда морщился и задавал вопросы.

— А это для чего? — он ткнул пальцем в печень.

— Печень. Фильтр, очищающий кровь.

Я поймал себя на том, что в процессе совместной разделки добычи есть странная красота. Ребёнок учится тому, что на Земле от него спрятали бы до подросткового возраста. А то и навечно. Сын вырастает без иллюзий и без истерик. Без модного на земле «ой, мир жестокий». Мир действительно жестокий. Вопрос только в том, сумеешь ли ты жить в нём, не превращаясь в чудовище. Когда мы закончили, понесли часть мяса к костру, для племени. Правило: первая добыча — не «мне», а «нашим». Ребёнок таким образом делает шаг в стаю. Лицо мальчишки светилось.

— Все станут есть наше? — спросил он.

— Да, — сказала Люция. — И будут помнить, что мы сделали.

Вечером, когда мясо готовилось, а Лир носился между домами, гордый, как генерал после первой охоты, мы с Люцией остались на минуту вдвоём у стены дома. Волчица смотрела на сына.

— Он справился, — сказала она, без капельки пафоса.

Я кивнул. Мы постояли так немного. Два взрослых существа, которые внезапно стали ответственными за будущее мира чуть больше, чем им хотелось. Лир, в волчьей форме, подбежал к нам с довольной мордахой.

— Пап! Мама! — щенок подпрыгнул. — Я ещё хочу охоту!

— Завтра, — сказала Люция.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня нужно поспать, — ответила она. — И стать более сильным.

После плотного ужина Лир моментально заснул, свернувшись калачиком у очага. Люция сидела рядом, расчёсывая сыну шерсть на загривке. Я наблюдал за семьёй и думал о том, насколько мир хрупок. Наш новый дом, наш быт, уроки охоты и брачные метки на деревьях. Всё это может исчезнуть, если те, кто «ищет наследников», решат прийти за своим.

— Сегодня он сделал первый шаг, — тихо сказала Люция, не поднимая головы. — Стал охотником. Пусть и пока неумелым.

— Ага, — согласился я. — Но мне всё равно жаль того кролика.

— Ты всё ещё человек, Саша. Но это хорошо. Ты напоминаешь нам, что кроме инстинктов есть ещё и... что-то другое.

— Сострадание?

— Может быть. Или просто память о предках, которая не даёт превратиться в зверей окончательно. Люция встала и потянулась. Гибкое и сильное тело выгнулось дугой.

— Я отойду, — сказала она. — Патруль ждёт на восточной тропе.

— Будь осторожна, — повторил я, как заклинание.

Люция кивнула, взяла лук, небольшой меч, и вышла. Я остался сидеть с Лиром, глядя на огонь в очаге и слушая, как по крыше начинают стучать первые капли. Дождь смывает следы на тропах, но не смывает того, что уже посеяно в наших жизнях.

Я посмотрел в угол, где торчал странный, геометрический росток. За эти дни он не вырос, но листья стали ещё более симметричными, а стебель твёрдым. Меня нервировало не то, что он странный. В Эмбрионе странное — это норма. К нам тут и бабочки с крыльями из стекла залетали. Меня волновало другое. В растении не чувствовалось каприза живого. Слишком ровно и слишком правильно. Иностранное тело в мире живого, дышащего леса. Напоминанием об иной силе, которая, возможно, и привлекала к нам охотников с мёртвым запахом.

Лир вздохнул во сне и обернулся человеком. Маленькая рука сжалась в кулак. Я накрыл сына пледом и подумал: «Может быть, именно в этой способности, быть человеком и зверем одновременно, и есть наша сила?»

Глава 4. В женщине должен быть мужчина, а не какая-то там загадка

Тревога, принесённая Хейваром, с каждым днём кристаллизовалась всё плотнее. На пятое утро после визита лиса я проснулся оттого, что Люция рядом не оказалось. Место волчицы на шкурах было холодным. Сердце предательски заколотилось где-то в районе горла. Я вскочил, но тут же услышал тихий голос любимой за дверью. Она говорила с кем-то из наших.

Выйдя на кухню, увидел волчицу на крыльце в одной лишь набедренной повязке. Шерсть на загривке альфы была взъерошена. Перед ней Грон, бета Пепельной стаи, широкоплечий волк со шрамом через левый глаз. Он что-то быстро докладывал Люции. Уши волка прижаты к голове в признаке крайней тревоги.

— ...на восточном рубеже, — долетели до меня обрывки. — Следы. Не наши. Даже не звериные.

Люция обернулась, почуяв меня. В голубых глазах читалась холодная, отточенная ярость, замороженная расчётом.

— Они здесь, — сказала она. — В долине.

Внутренности сжались в ледяной ком. «Они». Даже без имён было понятно, о ком речь.

— Сколько? — спросил я, натягивая штаны и рубаху.

— Не знаем, — ответил Грон. — Следы странные. Прерывистые. Словно чужие не ходят, а скользят. И запах... — волк поморщился, обнажив клыки. — Запах тлена. Неорганического. Словно ржавый металл и... молния.

Он имеет в виду озон? Тот самый запах.

Разбуженный нашими голосами, Лир выбрался из-за перегородки, протирая глаза. На детской мордашке виднелось отражение тревоги.

— Мам? — тихо позвал он.

— Всё хорошо, малыш, — попыталась успокоить сына Люция, но голос волчицы был слишком уж жёстким. — Сейчас папа останется с тобой. А я...

— Мы, — тут же поправил я. — Мы останемся с ним. Вместе. В доме. Грон, запускай протокол защиты. Как репетировали.

Система была примитивной, но достаточно эффективной. Три коротких удара в подвешенный рельс у общего очага. Низкий и гулкий звук разносился по всей долине.

Пока Грон исполнял приказ, мы с Люцией заперли ставни и забаррикадировали дверь тяжёлым сундуком. Лир, напуганный, но молчаливый, прижался к матери, обратившись в волчонка. Его инстинктивная форма защиты. Я стоял у щели в ставнях, вглядываясь в утренний туман, окутавший долину. Вроде бы ничего не происходило. Только привычные звуки просыпающегося по тревоге племени. Чей-то окрик, вой, скрип колодца. Потом... тишина. Слишком уж внезапная. Словно все звуки ножом перерезали.

Тогда я почувствовал.

Сначала было едва уловимое покалывание на коже. Потом глухая, ноющая пустота в глубине живота. Там, где обычно теплилась связь с жизнью долины. Моя магия, та самая сила Дикого Роста, отшатнулась, словно от раскалённого камня.

— Милая, — прошептал я. — Чувствуешь?

Волчица кивнула.

— Пустоту. Вместо запаха трав, грибов или жизни... ничего. Словно дыра. Они не маскируются. Подавляют.

Лир замер. По тому, как сын резко повёл носом, я понял, ребёнок чувствует инородное ещё острее. Шерсть на загривке волчонка задралась. Он тихо фыркнул. Звук, который у нас

означал «пахнет неправильно». Листья у ближайших кустов, несмотря на утренний ветерок, не шевелились. Мох на камнях потускнел, а насекомые... те, что обычно кишат над влажной травой, исчезли. Это выглядело так, словно кто-то выкрутил регулятор «жизни» на минимум. И самое мерзкое, это было сделано не природой.

Из тумана на противоположном склоне выплывали фигуры. В голове почему-то, сразу возник термин – «скауты».

Пятеро. Высокие, под два метра, движущиеся неестественно плавно, без рывков, как на шарнирах. На долю секунды я даже не понял, что именно вижу. Мозг, привыкший к меху, ушам и хвостам, попытался притянуть картинку к знакомому: «волки», «олени», «лисы»... и сдался. В нашу долину словно внедрилась сцена из фантастического фильма про будущее. Облачённые в облегающие костюмы цвета запёкшейся глины и серого мха скауты, сливались с местностью так, что взгляд соскальзывал. Ни лиц, ни открытых участков тела. На головах шлемы с тёмными щелевидными визорами. В руках устройства, похожие на укороченные арбалеты с кристаллическими набалдашниками, тускло светящиеся изнутри синим.

Самое жуткое было даже не в облике чужаков. А в том, что я чувствовал магией.

Когда скауты приблизились метров на пятьдесят, моя способность, что чувствовала пульс сока в деревьях и биохимию эмоций, наткнулась на них и... отскочила. Это было похоже на попытку просканировать труп. Биология присутствовала, но странная, замороженная, лишённая хаотичной, тёплой вибрации, что характеризует всё живое. Под слоем «мёртвой плоти» пульсировало нечто иное. Холодное и геометрически упорядоченное. Как кристаллическая решётка.

В искусственном сердцебиении я уловил знакомый подтекст. Очень далёкий, извращённый, но... почему-то родной.

Один из скаутов резко повернул голову в сторону нашего дома. Визор, казалось, установился прямо в щель ставен окна. Чужак поднял руку. На его ладони вспыхнул голографический проектор, вырисовывая в воздухе схемы и знакомые силуэты. Мой и Лира. Из-под стыка шлема и горловины вырвался сухой, шипящий звук. На секунду в щели под шлемом промелькнула тёмная чешуя. Чужаки искали нас. Целенаправленно.

— Лир, — хрипло выдохнула Люция, отталкивая сына глубже в комнату. — В укрытие. Сейчас же.

Под полом у нас была вырыта небольшая ниша, обшитая деревом и замаскированная ковром. Экстренное убежище с узким, подземным туннелем, ведущим наружу. Лир, широко раскрыв глаза, попятился к люку. В этот момент раздался глухой удар. Тяжёлая дверь содрогнулась от какого-то энергетического импульса. Дерево вокруг железной скобы запора почернело и начало тлеть.

— Саша! — крикнула Люция, хватая лук.

Подумать я не успел. За решения отвечали инстинкты. Рванул к двери, чтобы встать между семьёй и угрозой. В миг, когда страх за жену и сына сжал внутренности в тисках, что-то внутри сорвалось с цепи. Адреналин, ударив в виски, превратил мир в резкое, звенящее полотно. В глубине тела, в самой его сердцевине, отозвался Зверь. Тот самый, что спал костями саблезуба и мышцами разрушителя. Он рвался на свободу, требуя ярости, крови и ломающихся костей.

По спине прокатилась волна мучительного, костного зуда. Челюсти свело судорогой. Я почувствовал, как удлиняющиеся клыки прокалывают нижнюю губу. Скулы выдвигались вперёд, искажая форму лица. Из груди вырвался звук, в котором не было ничего человеческого. Низкий, глубокий рык, полный древней, первобытной ярости. На руках, вцепившихся в косяк, кожа темнела и проступали чёрные полосы. Растущие когти впились в дерево подоконника, оставляя глубокие царапины. На долю удара сердца мир стал... пустым. Я вдруг перестал чув-

ствовать запах Лира и Люции. Вообще. Никакого тепла, никакой шерсти, никакой жизни... Только холодный озон и металлическая тень.

«Нет. Не здесь».

Ярость пронзило чёткое осознание. В тесной горнице саблезубу не было места. Его габариты снесут стены, а ярость не отличит врага от своего. Я с невероятным усилием загнал рычащий ужас обратно, заплатив за это резью в мышцах и хрустом сильно сжатой челюсти. Внутренняя борьба продлилась не более трёх секунд. Потом волна отступила, оставив после себя ломоту и привкус крови. Но, эффект был достигнут.

Со стороны реки раздался шум боя. Значит, враг заходил с разных сторон. Потом послышался резкий, механический щелчок, напоминающий скрежет переключения передач. Два скаута, что уже подкрались к двери, отшатнулись. Я не видел лиц, но почувствовал, через ту самую извращённую кристаллическую связь, всплеск чего-то вроде... узнавания. И ужаса. Они почувяли не просто моего зверя, а источник. Пробудившегося. Я зашипел от досады. Получалось, что я сам продемонстрировал врагу конечный пункт поисковых мероприятий.

Люция приложила ухо к стене, вслушалась на секунду, затем развернулась и выпустила стрелу в щель под ставнями. Снаружи раздался хриплый, булькающий звук и тяжёлый удар о землю.

— Второй слева, у колодца, — тихо подсказал я. Искажённая чужой магией чувствительность, оправившись от первого шока, чётко фиксировала пульсирующие «мёртвые зоны».

Вторая стрела разрежала утренний воздух. Ещё один булькающий звук. Потом третий. Люция стреляла без промаха, используя малейший звук и мои тихие указания.

Их было пятеро. Двое упали. Третий, судя по всему, был ранен. Его «мёртвый» пульс ощущался неровно, прерывисто. Но, двое других быстро пришли в себя от первого шока. Раздался пронзительный свист, больше смахивающий на вибрацию, болезненно ударившую по ушам. Люция взвыла от боли, выронив лук и схватившись за голову. Волчий слух был ахиллесовой пятой альфы.

Дверь, обугленная вокруг замка, распахнулась с треском. На пороге возник один из скаутов, направив «арбалет» прямо на меня. Я увидел в узкой щели визора тусклое синее свечение. В центре груди чужака под тканью костюма слабо пульсировал странный кристалл. Неестественный орган. Имплантат. Источник того самого мёртвого, геометрического биения.

Чужак выстрелил.

Сгусток синей энергии с шипением рассёк воздух. На инстинктах я отпрыгнул в сторону, и заряд попал в кладку камина. Камень рассыпался в аккуратную кучку идеально отшлифованных песчинок. словно сама структура материи была за секунду нигилирована до основания.

Люция, преодолевая боль в ушах, метнула в противника нож. Клинок со звоном отскочил от брони. Скаут повернул оружие в её сторону. В движениях чужака не было злобы, не было даже заинтересованности. Только холодная эффективность. словно он явился не убить, а... деактивировать ненужную функцию.

Лир, о котором забыли в суматохе, выскочил из-за лежанки. Мальчиком. Он услышал, как мать взвыла от боли, и что-то в ребёнке щёлкнуло. С криком чистой, неконтролируемой ярости, который не должен вырываться из детской груди, Лир бросился на скаута, вцепившись зубами ему в колено, точно в незащищённый сустав.

Это было настолько неожиданно и иррационально, что даже бездушная сволочь запнулась. Чужак посмотрел вниз на визжащего, вцепившегося в него ребёнка, и в повадках существа на мгновение проскользнула неуверенность. Может быть, в его протоколах не было раздела «как избежать атаки детёныша»?

Этой секунды мне было достаточно. Я перестал размышлять о магии, контроле, последствиях. Думал только о том, что эта сука направила оружие на мою жену, а мой сын вцепился ему в ногу. Из глубин, куда я вот уже пять лет не заглядывал, поднялась первобытная ярость.

Моя рука сама выбросилась вперёд. Из ладони, прямо из кожи, с тихим влажным хрустом вырвалась... плоть? *«Хера се... что-то новенькое!»* Нечто среднее между сухожилием, хитином и ожившей, колючей проволокой. Длинная, гибкая, покрытая мелкими и острыми как бритва шипами, лоза. Она просвистела в воздухе и с хрустом обвилась вокруг торса врага.

Плоть сжалась сама, повинаясь неконтролируемой части моего подсознания. Раздался звук ломающихся доспехов и... хруст чего-то хрупкого, кристаллического. Синее свечение в груди скаута вспыхнуло, затрещало и резко погасло. Чужак замер, потом медленно, словно подпиленное дерево, рухнул на пол.

Оставшегося противника нигде не было. Сбежал? В доме воцарилась тишина. Тяжёлая, «звонкая» тишина после боя. Пахло гарью, озоном, и... чем-то сладковато-приторным, что исходило от поверженного засранца. Бледная Люция, тяжело дыша, прислонилась к стене. Её ладонь была прижата к животу.

— Мама! — Лир выплюнул ногу и бросился к волчице.

— Я... в порядке, — выдохнула Люция дрожащим голосом. Потом резко отвернулась от сына. Тело альфы содрогнулось в сухом, рвотном спазме. От запаха. От этой сладковатой, металлической вонь, которую Люция навсегда будет ассоциировать с угрозой своим детям. Как к рождённому, так и ещё нет.

Я подошёл к любимой, хотел обнять, но она отстранилась. Альфа схватила меня за ладонь. Ту самую, из которой минуту назад вырвалась плоть. Кожа на ней уже приняла прежний вид, но была красной и пульсирующей. Волчица поднесла мою руку к носу, вдохнула.

— Это ты, — сказала Люция после паузы. Только сейчас я заметил, как напряжены её плечи. — Но этого... не было раньше.

— Я не знаю... — начал я, но голос сорвался.

Люция прижала мою ладонь к своей груди.

— Слушай... Дикий Цветок. Пока ты слышишь меня, ты наш.

Она не сказала «плоть». Не произнесла «монстр». Она вообще не дала слову права стать страхом. Но я видел: волчица запомнила. Потом Люция резко меня отпустила, словно не хотела задерживаться в слабости.

— Не сейчас, — прошептала она. — Не здесь. Этот запах... он повсюду. На тебе. На мне. Нам нужно... смыть его. Стереть. Иначе я сойду с ума. Идём. Ты должен снова пахнуть домом, а не... этим.

— Но Лир... и разведчики...

— Грон с Торком разберутся! — перебила Люция, пригнувшись в проёме. Звуки боя снаружи стихли. Видимо, остатки врага, столкнувшись с сопротивлением, сбежали. — Они ушли. Но могут вернуться. Нужно быть готовыми. Для этого... мы должны стать собой.

— Лир, — я присел перед сыном. Мальчик в человеческой форме нервно подрагивал. — Слушай меня. Сейчас мы отведём тебя к Торку. Не пугайся. Это не наказание. Это новое правило стаи.

Лир судорожно кивнул и бросил взгляд на мать. Люция коснулась лба сына кончиком носа и лизнула. Коротко, по-волчьи.

— Ты у нас умница.

Мы вышли на крыльцо. У общего очага уже собирались семьи. Кто-то держал на руках сонного малыша, кто-то тащил ведро воды, кто-то связку копий. Долина, ещё недавно тихая и домашняя, предстала небольшим лагерем на пороге войны. Лир, обернувшись волчонком, побежал к Торку.

Труп скаута лежал на полу у порога, нелепо вытянутый, словно сломанный механизм. Запах от него исходил мерзкий. Что-то аптечное, стерильное, как в операционной из моего мира. Я наклонился и осторожно надрезал ткань костюма ножом. Под ней действительно светился кристалл. Когда мой палец почти коснулся его, кристалл отозвался. Щелчком внутри

моей головы. На мгновение перед глазами вспыхнули кадры: прямые линии, башни, стекло, холодное солнце... и чувство, что я это уже видел.

Я отдёргнул руку выругавшись.

— Что? — Люция мгновенно поймала мой тон.

— Он как будто «узнал» меня, — ответил я, удивляясь, насколько это нелепо звучит.

Снаружи коротко свистнули: знак дозора.

— Они ушли, — доложил Грон, вывалившись из тумана. На морде волка была кровь. Чужая или своя, не ясно. — Следы обрываются у камней. Будто растворились. Твари...

Я снова посмотрел на кристалл. Такой правильный, что хотелось ругаться.

— Грон. Трупы в яму. Подальше от детворы, огня и припасов. В отдельную. И пусть никто не трогает тела голыми руками. Разберёмся позднее.

Бета кивнул. Люция, убедившись, что сын в надёжных руках, схватила меня за руку и потащила в сторону леса. К тому самому месту у ручья, что в стае называли «тёплой ямой». Небольшое углубление в земле, которое даже в прохладные дни сохраняло тепло, окружённое валунами и выстланное мягким мхом. Здесь пахло влажной землёй, папоротником и тишиной. Сюда приходили пары после тяжёлой охоты, ссор, или прочей беды, чтобы сбросить «тень смерти» или подтвердить саму жизнь самым простым и первобытным способом.

Волчица остановилась, всё ещё держа меня за руку. Дыхание Люции было неровным.

— Дышим, — приказала она, но сделала глубокий вдох первой. — Вместе. Четыре на вдох. Шесть на выдох.

Это был волчий ритуал синхронизации. Для того чтобы снова почувствовать друг друга в хаосе бытия. Чтобы мой нос уловил запах самки под слоем переживаний, пота и чужой смерти. Чтобы её уши слышали мой ритм сердца, а не дёрганный гул адреналина.

Мы простояли, дыша в унисон, минут десять. Постепенно острые грани страха начали сглаживаться. Я снова стал чувствовать тепло её кожи сквозь шерсть. Различать сладковатый запах беременности, смешанный с уникальным, знакомым до боли ароматом своей женщины.

— Вот, — выдохнула она, и голос Люции стал мягче. — Вот ты где. Вернулся.

Она начала меня раздевать. Без страсти, с необходимостью. Стянула пропитанную запахом пота рубаху, затем штаны. Сдёрнула с себя набедренную повязку и топ. Женское тело в свете утреннего солнца, пробивающегося сквозь листву, было прекрасно и уязвимо одновременно. Мускулистое, покрытое серебристой шерстью, с едва намеченной округлостью живота. Такой, которую чужой не заметит, но ты подмечаешь всегда. На боку волчицы темнел свежий синяк. Видимо, ударилась при отскоке.

Люция прижала меня к себе, и наши тела соприкоснулись. Шерсть к коже. Тепло её тела обжигало. Это был не просто контакт, подтверждение. Мы живы. Мы уцелели. Мы здесь.

Она ступила на мягкий мох, легла на спину и потянула меня за собой. Мускулистые ноги обвили мне бёдра, руки прижали голову к меху между упругими грудями.

— Медленно, — прошептала она мне на ухо. — Не торопись. Дай мне почувствовать, что ты только мой. Что всё это... не сон.

Я проник во влажное лоно, и мир сузился до точки слияния. Не было «я» или «она», было ощущение возвращения домой после долгого и утомительного пути. Внутренний жар её тела обволакивал член, принимая не только плоть, но и всю накопленную за утро ярость, страх и отчаяние. Мягкие, неумолимые волны сжимались в ритме общего пульса, вытягивая отраву адреналина и замещая чем-то чистым и расслабляющим.

Постепенно я отдавался этому ритму. Каждый новый толчок становился вопросом, на который женское тело отзывалось безмолвным и влажным согласием. Мои ладони, вцепившиеся в манящие бёдра, искали точку опоры в этом головокружительном падении. Я чувствовал, как по спине побежали мурашки. Магия, пробужденная трансформацией, отозвалась на эту близость. Она запросилась наружу, желая сплестись вокруг нас. Врасти корнями в землю, пре-

вратив это место в неприступную крепость из плоти и зелени. Я почувствовал, как под кожей на спине и плечах зашевелилось, пытаюсь прорваться нечто средним между лозами и щупальцами.

«*Нem!*» — мысленно скомандовал я, сжимая зубы. Не позволю. Не здесь. Не с ней. Не сейчас. Это наша близость, а не демонстрация силы.

Я сосредоточился на любимой. На ощущении её кожи под моими губами. На вкусе плотных сосков на языке. На том, как острые когти впиваются в спину, оставляя лёгкие царапины. Не больно, скорее, как знак. На том, как срывается её дыхание, переходя в тихие, хриплые стоны.

Внутренние мышцы волчицы начали ритмично сжиматься, подталкивая нас обоих к краю. Я уже не мог сдерживать темп и ускорился, чувствуя, как нарастает знакомая, неотвратимая волна. Она первой сорвалась в тихий, сдавленный крик, в котором выплеснулись вся ярость этого утра. Тело Люции затрепетало, что послужило сигналом и для меня. Я погрузился на максимальную глубину. Семя хлынуло, заполняя и запечатывая нашу связь на физиологическом уровне.

Мы лежали, облитые потом, тяжело дыша, все ещё слившиеся. Постепенно звуки мира достигали нашего слуха. Пение птиц, журчание ручья, шелест листьев. Запах мха и нашего соития окончательно вытеснил из ноздрей призрак озона и смерти.

Люция провела рукой по моей спине. Там, где кожа была ещё чувствительной и горячей.

— Ты сдержался, — тихо сказала волчица. — Не отпустил... Спасибо.

Я понял, о чём она. О магии, что рвалась наружу.

— А если однажды я не смогу её удержать? — признался я, уткнувшись лицом в родную шею.

— Тогда я остановлю тебя, — просто ответила Люция. — Как сегодня ты остановил их.

Мы ещё какое-то время валялись, просто слушая, как наши сердца возвращаются к нормальному ритму. Потом омылись в холодной воде из ручья. Не для чистоты, а в качестве завершения ритуала. Вода смыла остатки пота, запах схватки и следы нашей страсти, оставляя лишь чистую, звериную простоту. Мы стоя. Мы выжили и будем своё защищать.

Возвращаясь в долину, мы уже не держались за руки. Шли рядом, плечом к плечу, готовясь к тому, что ждёт нас дома. К вопросам, к страху, к телам врага, которые придётся изучить. К неизбежному факту, что налёт — это только начало. Они почуяли след. Узнали про мою новую силу и в следующий раз явятся во всеоружии. Неважно. В этот миг мы были вместе. Остальное встретим зубами, когтями и нашей дикой любовью, которая была сильнее любого кристалла.

У общего очага нас встретили молча, оценивающе. Волки умеют смотреть так, словно нюхают не носом, а памятью. На пороге, скрестив лапы, сидел старый Аскет. Пожелтевшие клыки старика обнажились в подобии улыбки.

— Живы, — хрипло произнёс он. — Щенок в доме, с Терой. Стая в полной готовности.

Из двери выскочила молодая волчица. За ней, цепляясь за ногу, Лир в гибридной форме. Увидев нас, он издал тонкий, сдавленный визг и бросился к Люции. Она подхватила его на руки, прижав так сильно, что сын пискнул.

— Я цел, мама, — пробормотал Лир, уткнувшись мордочкой в женскую шею. — Они были страшные и пахли... пустотой.

В тени навеса замерли десятки силуэтов. Наша стая. Грон подошёл поближе и протянул руку. На мозолистой ладони волка лежал обломок кристалла, холодный и чуждый.

— Это у них вместо сердца. — сказал он.

Я взял кристалл и передал его Аскету. Старик принял его с отвращением и покрутил перед глазами.

— Мёртвая штука, — проворчал он. — Ни жизни, ни духа. Тлен.

Люция опустила Лира на землю, но тот не отпускал мамину руку. Сын смотрел на меня снизу вверх. Зрачки мальчика были расширены.

— Папа, а они... тут из-за меня?

Я опустился перед сыном на корточки, чтобы быть на одном уровне.

— Они здесь из-за меня, сын. А ты — самая важная часть меня. Поэтому мы будем защищать тебя вместе. Всей стаей.

Хвост мальчика дрогнул, затем неуверенно качнулся. Лир кивнул, осознавая тяжёлую, взрослую правду.

Когда суета улеглась, мы вернулись домой, поужинали и уложили спать Лира. Настало время для спокойного, исчерпывающего разбора.

— Твои «Плети», — начала Люция без предисловий, уставившись на мои запястья. — Они выросли из тебя. Буквально.

— Ага, — я посмотрел на ладони. Кожа на них была чистой, но в памяти ещё горело ощущение рвущейся плоти. — Это какой-то новый... уровень. Не феромоны. Прямая манипуляция биоматерией. Как растение, которое может управлять своими корнями.

— Эта штука... тебя контролирует? — вопрос волчицы был острым, словно скальпель.

— Не думаю. Оно отвечает на эмоции. На ярость и страх. Мне придётся научиться управлять этим. Иначе в следующий раз могу... перестараться.

Люция долго смотрела на меня не отвечая. Её ноздри чуть вздрагивали, считывая мою искренность. Потом волчица кивнула, одним коротким, резким движением.

— Хорошо. Значит, будешь учиться. А я прослежу, чтобы ты не сломал что-нибудь важное. — В голосе самки появились первые отзвуки привычной, язвительной нежности. Она протянула ладонь и коснулась тыльной стороной моего виска. — А сейчас нам всем нужно отдохнуть. Ты пахнешь выжатым лимоном и загнанным яком.

Я хмыкнул. Со стороны моей женщины это почти что признание в любви.

Глава 5. Жизнь не сводится к сексу, но отталкивается от него

Три дня. Именно столько понадобилось Торку, чтобы добраться до Древограда. И ещё три, чтобы Агран, Урса и сопровождающие проделали обратный путь. Шесть дней мы прожили в состоянии подвешенной, звенящей тревоги. Шесть дней каждый шорох за окном заставлял Люцию вздрагивать, непроизвольно прикрывая ладонью живот. Шесть дней я наблюдал, как странный, геометрический росток, моё растительное «признание» в чём-то ужасном, пустил ещё один ярус идеально симметричных листьев. Даже себе я не мог объяснить, почему до сих пор не вырвал геометрического мутанта с корнем.

За это время мы успели разобрать и изучить то, что осталось от «гостей». Тела, а это были именно тела, а не машины под костюмами, оказались нечто средним между антропоморфной рептилией и роботом. Чешуйчатая кожа, абсолютно лишённая шерсти, удлинённые черепа, хвосты. Но, самое интересное и отвратительное одновременно, находилось внутри.

Грудь каждого трупа была пересечена аккуратной трещиной. Как от лезвия нейрохирурга, который рассёк плоть, не повредив того, что под ней. В грудной клетке, там, где должно было биться сердце, располагался кристалл. Размером с кулак, мутно-синий, с потухшим ныне свечением. Он был буквально вплавлен в кости грудины. От кристалла отходили тонкие жилки, искусно внедрённые в позвоночник и, судя по всему, ведущие к основанию черепа. Камень не просто лежал «внутри» тел, он был телу начальником. Когда я приложил к этой штуке ладонь, то уловил ровный, механический ритм. Пульс-не-пульс, как у насоса, которому не положено уставать. Биологии в данном случае места не оставалось. Кибернетическая химера. Плоть, служащая оболочкой для кристаллического движка.

— Эти твари в принципе, дышат? — мрачно спросил Грон, помогавший со вскрытием. — Ну, то есть, лёгкие есть. Но... они даже у раненого не двигались. И кровь... густая, словно желе. Почти не течёт. Это даже не солдаты. Инструменты какие-то...

Преодолевая острое отвращение, я снова коснулся одного из кристаллов, и моя магия тут же отозвалась. Я почувствовал в холодной, твёрдой структуре извращённое, вывернутое наизнанку подобие собственной силы. Силу созидания, превращённую в алгоритм.

На третий день после отправки за помощью Торка, в долину пришло неожиданное подкрепление. Видимо, Урса поспособствовала. Дюжина воинов клана Бурых Медведей, обитавших в предгорьях. Их вожак, молодой, но уже покрытый шрамами самец по имени Борк, лишь кивнул мне и без лишних слов расставил своих бойцов по периметру. Молчаливое присутствие антропоморфных громадин немного ослабило тиски тревоги.

На пятый день Лир, изголодавшийся по привычному распорядку, устроил истерику из-за того, что его не пускают одного играть у ручья. Люция, чьи нервы и так были натянуты, чуть не отвесила мелкому оплеуху. Не со зла. Инстинктивно. Угроза — щенок шумит — щенка нужно заткнуть. Я успел перехватить её руку, и мы уставились друг на друга, оба напуганные этой вспышкой. Лир, почувствовав наши эмоции, расплакался. Вечер мы провели в тягостном молчании, пытаясь успокоить сына и понимая, что так долго продолжаться не может. Мы постепенно сжигали себя изнутри.

На шестой день, на закате, пришли они. Сначала послышался далёкий, но чёткий звук рога. Два низких, протяжных звука. Знак «свой». Через полчаса на гребне тропы показались фигуры.

Агран шёл впереди. Старый, одноглазый вожак Пепельной Стаи выглядел ещё более посеревшим и усталым, чем я его помнил. При этом осанка волка оставалась прямой, а единственный глаз цвета выцветшей меди подмечал все нюансы. За ним, на телеге, запряжённой

лохматым яком, следовала Урса Каменная Грива. Старейшина клана Медведей. Массивное, покрытое бурой с проседью шерстью тело, казалось, вобрало в себя всю тяжесть и мудрость времён. С ними было около пятнадцати волков Пепельной Стаи и пятёрка медведей.

Люция, увидев Аграна, выпрямилась. Волчица сделала шаг вперёд и опустила голову, приветственно подставляя загривок. Вождь положил тяжёлую лапу с обломанными когтями ей на шею и коротко обнюхал макушку.

— Дочь, — произнёс он хрипло. — Пахнешь страхом и новой жизнью. Тяжёлая смесь.

— Отец, — в голосе альфы впервые за неделю прозвучала твёрдость. — Враг у порога.

— Знаю, — Агран повернулся ко мне. — Дикий Цветок. Снова ты в центре бури?

— Не по своей воле, — парировал я. — Они сами припёрлись.

— Враги всегда появляются сами, — пробасила, спешившая с транспорта, Урса. Голос медведицы прозвучал низко, словно грохот далёкого обвала. Она не стала церемониться, подошла ко мне вплотную и глубоко вдохнула носом, прикрыв глаза. — Пахнешь... древним. И болью. И влажной землёй после первых всходов. Станный букет, человек.

— Спасибо... наверное, — сказал я.

Урса фыркнула, широкие ноздри раздулись.

— И ещё пахнешь ею, — добавила она, кивнув на Люцию. — Глубоко. Значит, логово крепкое. Это хорошо. Плод здоровый, сердце бьётся ровно. Девочка.

Люция вздрогнула. Мы никому не говорили пол ребёнка. Урса уловила её недоумение и махнула лапой.

— По запаху крови. И по ритму, что исходит от живота. У волчиц он один, у медведиц — другой. Опыт, детка. Тебе бы к родам заготовить чагу и корень молочая.

Этот бытовой, почти врачебный совет в ауре надвигающейся опасности прозвучал сюрреалистично. Но, именно так работал мир Эмбрионы. Жизнь и смерть, война и роды, всё было частями одного потока. Не бывало «сначала решим одну проблему, потом другую». Всё было сейчас и сразу.

Мы проводили гостей в дом, который сразу же оказался мал от количества крупных гостей. Агран уселся на почётное место у очага. Урса устроилась рядом, за столом, заняв собой полкомнаты. Лир, зачарованный огромной медведицей, выглянул из-за моих ног и уставился на старейшину.

— Ого, — воскликнула Урса, заметив сына. И без того маленькие глазки сузились. — А это что за очаровательный ушастик?

— Мой сын, — ответил я, кладя руку на лохматую голову. — Лир.

— Вижу, что сын. И вижу, что твой, — медведица потянулась вперёд и также обнюхала Лира. Тот не отпрянул, а, наоборот, втянул носом воздух в ответ, знакомясь. — Волк. Человек. И... что-то ещё. Диковинка.

— Он может обращаться, — не без гордости сказала Люция.

— Покажи, малыш, — небрежно кивнула Урса.

Лир, польщённый вниманием, сосредоточился. И... ничего не произошло. Мелкий нахмурился, сжав кулачки, но остался мальчиком с ушами и хвостиком. Было видно, что мальчик злится сам на себя. Но, стоило только Лиру расслабиться, как он тут же обернулся волчонком. И снова стал мальчиком. Он делал это легко и играюще, словно демонстрировал фокусы.

Урса внимательно наблюдала. Потом медленно, очень медленно покачала массивной головой.

— Нет, — тихо сказала она. — Это не простое оборотничество. Это что-то... древнее. Как первый переход. Когда ещё не было форм, а была только суть, которая могла стать чем угодно.

В словах медведицы звучала уверенность, основанная на знаниях. В комнате повисло тяжёлое молчание. Агран нахмурился.

— Хватит загадок, Урса. Мы пришли не толковать твои сказки. Мы здесь потому, что на нашу землю проникла чужая стая. Её нужно выгнать или уничтожить. Рассказывай, что знаешь.

Медведица тяжело вздохнула и вытащила из котомки небольшой, плоский камень. Тёмный, отполированный временем. На его поверхности был вырезан странный символ. Геометрическая, сложная конструкция из переплетающихся линий и углов, напоминающая то ли схему, то ли печать. Урса положила камень на кухонный стол.

— Мои предки, хранители памяти камней и костей, передавали из пасти в пасть историю, — голос медведицы стал ритмичным, как заклинание. — О том, что до Великих Зверей, давших начало нашим кланам, мир был совершенно иным. Им правили Титаны. Существа без шерсти и без когтей, с гладкой кожей и плоскими лицами. Они не появились из лона землиматери в том виде, в каком мы существуем. Они... пришли из ниоткуда. Или всегда были в этом мире. Сила Титанов была не в мышцах или скорости, а в знаниях, что меняла плоть, и в мыслях, что лепит горы. Титаны строили города из блестящего камня, что не знал износа. Летали в металлических птицах выше облаков и говорили со звёздами.

У меня перехватывало дыхание. *«Она что, говорит о людях? О человеческой цивилизации по типу нашей? Тогда... какие, к чёрту, титаны? На Земле мы не можем договориться даже о том, как сортировать мусор».*

— Они были могущественны, — продолжала Урса. — Но их могущество было холодным. Без любви и эмоций. Титаны видели мир как глину, которую можно мять, или чертёж, где все линии обязаны быть прямыми. В конце концов, сила Иных... разорвала ткань мира. Появились Великие Разломы. Небо горело, земля рвала сама себя на части, а жизнь мутировала в кошмарные формы. Наши предки, первые из Медведей, Волков или Лис, были ближе к истинной форме. Чтобы выжить и сохранить крупицу жизни от безумия Иных, они совершили... Великое Отречение.

— Это как? — уточнила Люция.

— Предки приняли конечную форму, — Урса посмотрела на свои огромные, покрытые шерстью руки. — Добровольно загнали свою дикую, изменчивую суть в чёткие, устойчивые рамки. Стали теми, кого вы видите. Антропосами. Ограничили свою бесконечную изменчивость, чтобы обрести стабильность. Чтобы выжить. Чтобы не стать такими, как они. Чтобы забыть.

«Забыть». Это слово повисло в воздухе, тяжёлое и ядовитое.

— А что случилось с... Титанами? — спросил я.

— Исчезли, — сказала Урса. — Сгинули в катаклизмах. Остались только руины. И... эхо их силы, которое иногда просыпается. В редких артефактах. В странных, необъяснимых местах, где деревья растут квадратами, а реки текут вверх по склонам. — Медведица ткнула толстым когтем в камень на столе. — Этот символ... постоянно находят в самых древних и запретных местах. Знак Титанов. Символ той самой силы, что себя уничтожила.

Я не мог оторвать глаз от рисунка. Линии... казались случайным узором, но чем дольше я пялился, тем больше в них проступала чудовищная, бесчеловечная логика и нарастал физический дискомфорт. К горлу подкатила лёгкая тошнота, в висках застучало. Перед глазами поплыли бессвязные, обрывчатые образы: сверкающие плоскости, уходящие в бесконечность, монотонный гул машин, чувство невесомости и... ледяного, абсолютного одиночества. Настолько мощное дежавю, что я схватился за край стола, чтобы не упасть.

— Холодно, — вдруг сказал Лир. Сын съёжился и потянулся ко мне. — Папа, там холодно.

Урса резко подняла на меня взгляд. Бусины чёрных глаз расширились.

— Ты чувствуешь, — констатировала она. — И щенок чувствует... через тебя. Их тень лежит на вас, Дикий Цветок. Глубже, чем думаешь.

— Что вы хотите сказать? — прошипела Люция вскакивая. Шерсть на загривке волчицы встала дыбом.

— Говорю то, за что мои сородичи должны бы вырвать мне язык и когти, — тихо, но уверенно произнесла Урса. Она нарушала табу, и страх от этого делал слова медведицы весомее любой угрозы. — Говорю, что сила, которая пробудилась в твоём муже... того же рода, что и сила Титанов. Древняя. Первородная. Та самая приманка, на которую клюнули твари с юга, что носят камни в груди вместо сердец. Они не просто пришли за тобой, Дикий Цветок. Они пришли за своим потерянным наследием.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, оглушала. Агран мрачно смотрел на огонь в камине. Люция, бледная, не сводила с меня глаз. Я же чувствовал, как под этим взглядом во мне что-то ломается и перестраивается. Я не простой неудачник, заброшенный в этот мир, а возвращение страшного кошмара местных? Наследник расы, которая всё разрушила? А ведь только смирился со званием пробудившегося.

Лир, не выдержав напряжения, подошёл к столу и потянулся к камню. Детский палец коснулся полированной поверхности рядом с вырезанными линиями.

— Пап? — снова позвал он, посмотрев на символ, а потом на меня. В голосе мелкого не было страха. Лишь чистое, незамутнённое узнавание. Как будто Лир видел этот знак каждый день. В моих глазах.

Агран нарушил тишину, хлопнув ладонью по колену.

— Что было, то было, — проворчал волк. — Сказки трухлявых пеньков не помогут против оружия, что камень в пыль обращают. Урса, твои знания ценны, но сейчас нужны действия. Эти твари были разведчиками. Значит, скоро подойдут и основные силы. Надо готовиться к обороне. Укреплять палисады, рыть ловушки, готовить смолу. Мои воины усилят патрули. И... — Агран посмотрел на Люцию, потом на её живот, — тебе, дочь, нужно вернуться в Древоград. Не место беременным на баррикадах.

Волчица замерла. Потом медленно подняла голову. В голубых глазах сверкал тот самый холодный огонь, что я видел в день нападения.

— Нет, отец.

Агран нахмурился.

— Это не про гордость, Люция. Это про жизнь твоего детёныша.

— Именно поэтому я и говорю «нет»! Я знаю, что во мне новая жизнь. Лучше любого знахаря. И я знаю свои пределы. Я не стану первой лезть в схватку. Но и не сбегу, как испуганная сучка. Это мой дом и моя стая. Моя пара и мой сын здесь. Я буду защищать их настолько, насколько позволит мне моё тело. Это моё решение. Не твоё и не его. — Люция кивнула в мою сторону. — Только моё!

В тоне женщины не было вызова. Лишь простая, неоспоримая констатация факта. Агран смотрел на дочь несколько секунд, потом глухо фыркнул. Он не соглашался, но и не спорил. Волк уважал право альфы, как матери-волчицы, самой решать, как защищать своё логово. Урса, наблюдающая за разборками, тихо хмыкнула.

— Правильно, волчица. Мужики всегда думают, что знают, что для матери лучше.

Позже, когда совет переместился к общему очагу и началось обсуждение укреплений, Агран снова подозвал Люцию. Он достал из походной сумки прочную, скрученную из множества волокон, верёвку. Та была сплетена из полосок кожи, конского волоса, шерсти разных зверей и даже, как мне показалось, тонких корней.

— «Нить стаи», — сказал вождь, протягивая верёвку. — Каждый воин, уходящий в опасный путь, получает такую от вожака или матери. В ней сила тех, кто ждёт его возвращения. Держись за неё в трудную минуту.

Люция благодарно кивнула и приняла нить. Прижала дар к носу, вдыхая запах — сложный, состоящий из множества знакомых нот.

Вечером, когда гости устроились на ночлег в выделенных им хижинах, мы остались одни. Лир спал, измученный впечатлениями. Люция сидела на шкурах, держа в руках дарёную нить и несколько тонких, гибких жилок, которые я сорвал с геометрического ростка. Они были неестественно прочными и удивительно тёплыми.

— Помоги.

Я подсел. Волчица начала плести. Вплетала нить стаи в более сложную структуру, добавляя растительные жилки. Получалось нечто вроде браслета, или обережённого пояса. Симбиоз. Сила стаи, с её поддержкой, и моя сила, странная и древняя, сплетались в одно целое. Для Лира.

Когда работа была закончена, она отложила браслет в сторону и посмотрела на меня. В глазах Люции не было того ужаса, которого я ожидал. Лишь усталость и принятие.

— Подойди.

Я послушался. Волчица велела мне лечь на живот, головой к ней на колени. Её пальцы с острыми, но частично убранными когтями, коснулись моей шеи. Люция начала меня расчёсывать. Не волосы. Кожу. Лёгкие, ритмичные движения от затылка вниз, вдоль всего позвоночника. Ритуал. У волков так вычёсывают сородичам шерсть, снимая напряжение, показывая заботу и укрепляя связь. Прикосновения моей самки были нежными и уверенными. С каждым движением когтей по коже тяжесть дня, страх из-за слов Урсы и собственное отвращение начали понемногу отступать, растворяясь в простом, животном комфорте.

Я застонал, закрыв глаза, и позволил себе побыть слабым. Принимая заботу. Когда она закончила, сел и попросил её повернуться спиной. Мышцы на плечах и шее волчицы были напряжены, застыв в броне готовности ко всему. Я начал разминать их, чувствуя под пальцами узелки стресса. Люция заурчала от удовольствия. Её душа и тело постепенно расслабились, плавно погрузив любимую в сон.

Утро началось с того, что Люцию вырвало за порогом. Как и в первую беременность Лиром, волчицу настигла волна токсикоза. Удивительно, но обитатели Эмбрионы в принципе не знали такого понятия. Видимо, человеческие гены, решили подобным образом «разнообразить» вынашивание.

Я проснулся от звука сдавленного кашля и спазмирующего вхолостую желудка. Люция стояла на коленях у крыльца, опираясь ладонями о землю. Спина волчицы выгнулась дугой, а серебристая шерсть на загривке взъерошилась.

— Опять? — спросил я, выходя и опускаясь рядом. Утро было прохладным, и дыхание Люции вырывалось белыми клубами.

— Не «опять», а «снова», — прохрипела жена, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Это не повторение, это новая серия. Со вчерашним ужином в главной роли.

Люция говорила с привычной долей чёрного юмора, но в её глазах читалась усталость. Не та, что от недосыпа, а глубокая, клеточная. В моей прошлой жизни коллега-физиолог как-то сказал: «Беременность — самый экстремальный вид спорта. Ты девять месяцев живёшь с «паразитом», который перестраивает тебя под себя, а в конце пытается вырваться, разрывая всё на своём пути». Тогда это звучало цинично. Сейчас, наблюдая за женщиной, чей организм явно вёл сложные переговоры с получеловеческим-полуволчьим эмбрионом, я понимал, что коллега был недалёк от истины.

— Может, травяного чаю? — предложил я, по привычке вставая.

— Нет. Просто посиди рядом. — Волчица потянула меня за рукав, вынуждая опуститься на пятую точку, и прислонилась ко мне плечом. Её тело было горячим, как всегда, но в этом жаре чувствовалась некая лихорадочная хрупкость. — И... помолчи.

Так мы и сидели, пока первые лучи солнца не растопили на траве иней. Из дома донёлся возня, просыпался Лир. Потом послышалось довольное повизгивание и топот маленьких лап по половицам. Через мгновение в дверном проёме показался волчонок с разорванным мячиком из плотной кожи в зубах. Увидев родителей, он радостно завилял хвостом и выкатил мяч к ногам.

— Не сейчас, солнышко, — мягко сказала Люция. — Маме нехорошо.

Лир насторожил уши, принялся и, кажется, понял. Он подошёл, ткнулся мокрым носом ей в колено, а потом осторожно лизнул пальцы. Жест заботы, который Лир где-то подметил. У меня сжалось сердце.

К дому подошёл молодой волк из охраны Аграна, которого старый вожак назначил присматривать за Лиром. Фенрик. Стройный, с пепельно-серой шерстью и внимательными жёлтыми глазами. Он выглядел чуть старше подростка, но исполнял поручение вожака со смертельной серьёзностью.

— Всё в порядке? — спросил он, кивая на Люцию.

— Утренний привет от дочурки, — отозвалась она поднимаясь. Ноги волчицы слегка подрагивали. — Фенрик, займи Лира. Отведи его к ручью, пусть побеждает. Но глаз с него не спускай.

— Понял. — Фенрик кивнул и лихо присвистнул. Лир, забыв о мамином недомогании, радостно бросился к новому другу, виляя всем задом.

Мы смотрели, как они удаляются.

— Думаешь, справится? — спросил я.

— С Лиром? — Люция фыркнула. — Фенрик сын моего двоюродного брата. В прошлом году он уже выгуливал щенков из помёта. Правда, тогда сам был подростком. Но, научился. Главное, чтобы Лир не превратился в мальчика посреди лужи. Фенрик ещё не готов к такому уровню метафизики.

Мы зашли внутрь, и Люция начала готовить кашу из дроблёного зерна и сушёных ягод. Я взялся колоть дрова для очага, но через несколько минут подошёл Агран. Старый волк выглядел выпавшимся, но озабоченным.

— Пойдём, — сказал он без предисловий. — Урса хочет показать тебе кое-что. Без лишних глаз.

Я кивнул, бросил взгляд на Люцию. Та махнула рукой: «Иди, я справлюсь».

Медведица ждала нас на краю долины, у подножия старой ели. Место было уединённое, скрытое от глаз лагеря. У ног Урсы лежал свёрток из плотной, вощёной кожи.

— Пришёл, — произнесла она, глядя на меня своими бусинками-глазами. — Небось, всю ночь в раздумьях маялся?

— Не без этого, — честно ответил я.

— И правильно. Думай. Но не как жертва, а как охотник. Твоя сила не клеймо. Это оружие. И они пришли за ним. Значит, бояться должны они.

Урса развязала ремни свёртка и развернула. Внутри лежали предметы. Странные, несуровые, словно не принадлежащие этому миру. Пластина из тусклого металла, на которой даже сейчас, спустя кто знает сколько тысячелетий, виднелись следы сложного травления. Схемы, формулы, чертежи. Небольшая, идеально прозрачная сфера, внутри которой плавало что-то вроде золотистой взвеси. Обломки чего-то, похожего на керамику, но невероятно лёгкие и прочные. И предмет, от которого у меня перехватило дыхание. Скальпель!

Хотя нет, не совсем скальпель. Инструмент из тусклого, не подверженного коррозии металла, с рукоятью, идеально ложающейся в человеческую руку. С коротким и невероятно острым лезвием. На рукояти виднелись стёршиеся буквы латинского алфавита! Я не мог разобрать слово, но форма... была узнаваема. Инструмент нейрохирурга? Возможно, для тонких генетических манипуляций. Или для биомодификаций.

Я протянул руку, но коснуться не посмел.

— Откуда? — выдохнул я.

— Как раз из мест силы, — ответила Урса. — Где мир болен и деревья растут квадратами. Мои предки собирали эти вещи веками и хранили как предостережение. Как доказательство безумия Иных. — Она ткнула толстым когтем в скальпель. — Эта штука... режет всё. Камень, сталь, кости. Как масло. И не тупится. Я много раз пробовала.

— И что он режет сейчас, в мире, где нет скальпелей? — пробормотал я, беря инструмент в руку. Тот был холодным и невероятно сбалансированным. В моей ладони инструмент будто ожил. Вспомнилась университетская практика, лаборатория, стерильный блеск стен...

— Режет правду, — мрачно ответила Урса. — Нашу правду. О том, что мы первые. Что мы — естественные. Мы в Эмбрионе не первые, человек. Мы вторые. Или даже третьи. И наша форма... это выбор. Выживание, а не данность.

Медведица замолчала, давая мне переварить. Агран стоял поодаль, молчаливый и мрачный, как грозовая туча.

— Ты сказала, чужаки ищут наследие, — начал я, вертя скальпель в пальцах. Холод металла таинственно успокаивал. — Но зачем? Что они хотят с ним сделать?

Урса вздохнула.

— Есть легенда... вернее, не легенда. Отголосок памяти. Когда Титаны осознали, что губят собственный мир, они попытались его спасти. Создали систему, которая удержала бы реальность от распада. Что-то вроде... каркаса. Искусственного порядка, наложенного на хаос. У них не вышло. Они только усугубили разлом. А потом исчезли. Я думаю, что те, кто пришёл с юга, нашли обломки такого каркаса. И жаждут его достроить. А для этого нужен ключ. Первородная сила. Та, что сможет оживлять мёртвое, и менять форму сущего. Та, что струится в тебе.

— Или в моём сыне?

— Твой сын ещё более чистый ключ, — безжалостно подтвердила мои опасения Урса. — В нём сила Иных и жизнестойкость наших кровей смешаны в едином сосуде. Лир... идеальный катализатор. Если они получают его, смогут заставить остальной мир принять их порядок.

Я сомкнул пальцы на рукояти скальпеля так, что суставы хрустнули. Холодный гнев, чистый и ясный, затопил разум, избавляя от страха.

— Этого не произойдёт, — процедил я сквозь зубы.

— Не произойдёт, если мы будем умнее, — кивнула Урса. — Поэтому слушай. Мои медведи знают кое-какие приёмы. Старые и забытые. Основанные на стойкости. На умении чувствовать землю. Со своей силой роста ты сможешь им научиться. Быстрее, чем другие.

— Что мне делать?

— Для начала перестать бояться самого себя. Твоя сила чует страх. И из-за этого бьёт вразнос. — Медведица наклонилась и подняла с земли обычный, ничем не примечательный камень. — Возьми.

Я взял.

— Теперь сожми. И попробуй не раздавить, а... почувствовать. Каждый его слой и каждую песчинку. Представь, что ты корень, который ищет путь сквозь преграду. Но не ломай. Огибай.

Это звучало как бред. Но, я послушно закрыл глаза. Отбросил мысли о скальпелях, империях и похищениях, сосредоточившись на камне. Шероховатая поверхность. Холод. Плотность. Я попытался представить, как сознание и моя магия, просачивается внутрь словно вода. Медленно и непрерывно. Случилось нечто. Я не просто почувствовал камень, я *увидел* его историю. Частица лавы, выброшенная из чрева горы тысячи лет назад. Удары дождя, ветра, перепады температур. Микротрещины. Лишайник, который когда-то начал на нём прорастать,

но погиб. Это была не картинка. Это был... вкус. Тактильное воспоминание. Я ахнул и открыл глаза.

Камень лежал на ладони. Но теперь был покрыт тончайшей, почти невидимой сетью трещин. Из этих трещин пробивался бледно-зелёный мох. Совершенно новый вид, которого я раньше не видел в долине. Урса наблюдала, молча. Потом кивнула.

— Очень быстро. Ты не ломаешь, а... договариваешься. Это и есть основа. Теперь можешь забирать эти игрушки. — Медведица кивнула на свёрток с артефактами. — Может, пригодятся. Только не порежься. Оно того не стоит.

Когда я вернулся к дому, завтрак уже был готов. Пришедшая в себя Люция, раскладывала кашу по мискам. За столом сидели Торк и Лина. Пара завтракала с сосредоточенным видом, но, когда я вошёл, встали, выпрямив спины.

— Какими судьбами? — спросил я гостей. — Просто так, или для моральной поддержки?

Люция вздохнула и, покраснев (что у волчицы с серебристой шерстью выглядело как розовый оттенок на коже щёк и кончиках ушей), объяснила:

— Лина... предлагает пройти обряд «Сопряжения с плодом». Она видела как мне было плохо утром, и считает, что этот... опыт может быть полезен. Мне. Вернее, нам.

— Объясните, — попросил я присаживаясь.

Торк и Лина переглянулись. Заговорила волчица.

— Когда волчица беременеет, особенно первый раз, или в сложное время... проходят старый обряд. Чтобы укрепить связь. Чтобы сила самца помогала самке выносить детёныша. А её уверенность укрепила при этом его дух. В нашей семье делали так испокон веков. Это... как синхронизация.

— Синхронизация через что? — спросил я, хотя уже догадывался.

Лина покраснела, но не опустила глаз.

— Через близость. Но... не обычную. Ритуальную. В определённые дни цикла луны, в определённых позах, с определёнными... намерениями. Чтобы семя самца не оплодотворяло, а... закрепляло дух будущего щенка в этом мире. Чтобы отец с момента беременности самки был не просто источником, а опорой.

В моей прежней жизни подобное назвали бы мистической хренью. Но здесь, в мире, где магия являлась частью биологии, предложение звучало... логично.

— И это... принято? — спросил я.

— Не всеми, — честно ответил Торк. — Многие считают обряд излишним. Старомодным. Но, в нашей семье это традиция. Моя мать прошла через это, вынашивая меня в голодную зиму. И мы... верим, что это помогло.

— Торк думает, что с твоей силой, Александр, эффект может быть сильнее, — добавила Люция. Она смотрела на свои руки. — И что это поможет... укрепить нашу девочку. Сделать её связь с миром прочнее. Чтобы никакие кристаллы не смогли её отравить.

Я почувствовал, как в груди что-то ёкнуло. Страх? А что, если я наврежу?

— Ты боишься, — констатировала Лина. Не осуждающе. С пониманием. — Это нормально. Мы тоже боялись. Но обряд не про силу. Он про доверие. Про то, чтобы открыться друг другу не только телом. — Она посмотрела на Торка, и в глазах волчицы вспыхнула тёплая искра. — Когда ты знаешь, что он не просто удовлетворяет потребность, а отдаёт часть своей сути, чтобы поддержать тебя и ребёнка... это меняет всё.

Мы поговорили ещё какое-то время. После завтрака пара ушла. Люция занялась хозяйством, а я отправился проверить, как идут работы по укреплению периметра. У свежевкопанного частокола, я стал свидетелем сцены, которая вновь напомнила мне, насколько иным был мир Эмбрионы.

Двое молодых медведей, помогавших в работе, устроили перерыв. Один из них, более крупный, жевал странные тёмные листья. Потом закашлялся, сплюнул тёмную жижу и... начал

меняться. Не полностью. Морда стала чуть шире, глаза затуманились, а изо рта потекла слюна. От медведя повалил густой, терпкий запах, отдалённо напоминающий мускус и переспелые фрукты.

— Что с ним? — спросил я у стоявшего рядом пожилого волка.

Тот фыркнул.

— Медвежья радость. Листья пламенника. Раскрепощает нрав. И... прочие органы.

Я хотел было отойти, но было поздно. «Раскрепощённый» медведь заметил меня. Мутные глаза сфокусировались. Он что-то промычал, встал и, покачиваясь, направился ко мне. Запах стал нестерпимым.

— Человечек, — прохрипела громадина. Его голос звучал густо, словно патока. — Ты... интересно пахнешь.

Медведь протянул лапу, явно намереваясь коснуться меня. Я отступил.

— Не советую, приятель... — предупредил я, чувствуя, как внутри зверь напрягается в ответ на угрозу. Ногти сами по себе заострились.

Но тут вмешался второй медведь. Он рыкнул, коротко и жёстко, вклинившись между нами.

— Гарк, убери свои лапы. Иди... и проспись.

Медведь заворчал, но послушался. Он неуклюже развернулся и поплёлся прочь, бормоча что-то под нос. Второй повернулся ко мне.

— Извини. Листья пламенника... не только радость приносят. Иногда и агрессию. Или похоть. Без разбора. Гарк сейчас бы и пенёк поймел, если бы тот шевелился. Тебя же он как диковинку... понюхать хотел.

— Вот уж свезло, так свезло, — сухо прокомментировал я.

Медведь хмыкнул.

— У твоего народа разве нет подобных трав? Чтобы расслабиться? Или... возбудиться?

Тут же вспомнилась водка с виagrой. Но, это было слишком сложно объяснить.

— Имеется, — уклонился я от ответа. — Но мы обычно не принимаем это при всех.

— Стеснительные? — медведь покачал головой. — Ну и ладно. Не переживай, Гарк завтра всё забудет. А... если захочешь попробовать пламенник — предупреждаю, с твоей конституцией хватит и половины листика. Иначе превратишься в слюнявое недоразумение.

Я пообещал быть осторожным и пошёл обратно. Подходя к дому, услышал смех. Лина и Люция сидели на заваulinке, и молодая волчица что-то живо рассказывала, размахивая руками. Люция слушала, улыбаясь, прикрывая ладонью живот. Увидев меня, Лина замолчала и встала.

— Я пойду, — сказала она. — Торк, наверное, уже скучает.

Когда волчица ушла, я присел рядом с Люцией.

— О чём болтали?

— О всяких глупостях, — она улыбнулась. — О том, как Торк во время их первого ритуала так нервничал, что забыл слова заклинания и начал цитировать песню охотника. Лина должна была сохранять серьёзность, но не смогла и фыркнула. И всё пошло наперекосяк. Но потом... говорит, получилось даже лучше, чем было по плану.

Люция помолчала.

— Они хорошие, — сказала она. — Простые. И верят в то, что делают. Это... заразно.

— Ты хочешь пройти этот обряд? — спросил я прямо.

Волчица посмотрела на меня. В голубых глазах не было ни смущения, ни давления. Только вопрос.

— Я не знаю. С одной стороны... это странно. С другой... — она положила руку на моё запястье, — мы с тобой и так далеко не классическая пара. А твоя сила... она часть нас. Часть

того, что растёт во мне. Может, стоит попробовать направить её? Сознательно. Не как вспышку страха или ярости. А как... дар или благословение.

Я прикрыл глаза. Внутри боролись учёный-скептик и муж, готовый на всё, чтобы защитить семью. Скептик твердил о плацебо, о внушении и бесполезности ритуалов. Муж видел глаза Лины, слышал уверенность в голосе Урсы, чувствовал тёплое доверие руки Люции.

— Если ты хочешь, — сказал я, открывая глаза, — Давай сделаем это.

Люция не ответила. Просто прижалась губами к моей щеке. Быстро, тепло. Потом встала.

— Пойдём. Фенрик, наверное, уже с ума сходит от Лира.

Мы нашли их у ручья. Картина была одновременно комичной и трогательной. Лир, в гибридной форме, мальчик с волчьими ушами и хвостом, сидел по пояс в воде и пытался поймать рыбу голыми руками. Фенрик с видом страдальца стоял на берегу, скрестив руки на груди, наблюдая.

— Он уже трижды нырял лицом в воду, — сообщил молодой волк, когда мы подошли. — Один раз превратился в волчонка, когда та штуковина — он кивнул на плавающую у берега небольшую щуку — Его за нос укусила. Я думал... утонет. Но он выплыл. В человеческой форме. Я даже не знал, что он так может.

— Он и сам многого не знает, — вздохнула Люция. — Лир! Хватит. Вылезай, простудишься.

Сын, увидев нас, заулыбался и поплёлся к берегу. Он был мокрый, счастливый, с ног и до волчьих ушей покрытый тиной.

Вечером после ужина, когда Лир был уложен спать, к порогу снова пришли Торк и Лина. На этот раз они были одеты в простые, но чистые одежды из небелёного льна. В руках у Лины была маленькая глиняная чаша, в которой тлели какие-то травы, распространяя сладковатый, дымный аромат.

— Мы готовы, если вы готовы, — тихо сказал Торк. — Луна в нужной фазе.

Люция вопросительно на меня посмотрела. Я кивнул. Мы вышли из дома и последовали к небольшой поляне на опушке леса, недалеко от ручья. Место было заранее подготовлено. В центре лежал большой плоский камень, вокруг которого выложен круг из белой, речной гальки. На пне горела масляная лампада.

— Это место силы, — тихо объяснила Лина. Она поставила чашу с тлеющими травами на плоский камень. — Не великое. Но... чистое. Обряд прост. Вы входите в круг. Стоите лицом друг к другу. Дышите дымом трав — они открывают дух. Потом вы... соединяетесь. Телом. Не просто так. Ты, Александр, должен думать не об удовольствии. О силе, что таится в тебе. О жизни. О защите. Люция должна думать о принятии. О том, как эта сила питает не только тебя, но и дитя. Вы должны будете... петь.

— Петь? — я хмыкнул не сдержавшись.

— Не словами, — улыбнулся Торк. — Звуком. Тем, что идёт из самой глубины. Как волчий вой, но тише. Как стон, но осознанный. Это помогает направить энергию.

Он с Линой отступили к краю поляны, сели на землю и замолчали, выполняя роль хранителей пространства. Мы с Люцией остались одни в круге из белых камней. Запах дыма был густым и немного дурманящим. Луны, почти полные, висели в небе, заливая всё серебристым светом.

— Ну что, ботаник, — сказала Люция, глядя на меня. В глазах волчицы отражался лунный свет. — Готов к неконтролируемому эксперименту?

— Больше всего в жизни обожаю неконтролируемые эксперименты, — ответил я.

Мы усмехнулись одновременно, сбрасывая напряжение, потом разделись. Не торопясь, с ритуальной медлительностью. Вечер был прохладным, и на коже выступили мурашки. Я видел, как серебристая шерсть на теле волчицы встала дыбом, улавливая холод. Её живот был ещё плоским, но когда она встала прямо, стало заметно округление ниже пупка. Новая жизнь.

Мы встали лицом друг к другу. Дым активно стелился между телами.

— Дыши, — прошептала Люция.

Я вдохнул. Дым пах полынью, мятой и чем-то ещё, цветочным. Голова слегка закружилась. Не от опьянения. От... смещения фокуса. Края мира словно стали мягче. Люция положила ладони мне на грудь. Я положил руки на её бёдра. Мы стояли, дыша в унисон. Волчица начала первой. Она не открыла рта. Звук шёл из её горла. Низкий, вибрирующий гул, похожий на мурлыканье огромной кошки, но с волчьими обертонами. Это был звук удовлетворения, безопасности, доверия.

Я попытался подстроиться. Сначала у меня получилось только хриплое дыхание. Но потом я расслабил горло, отпустил контроль, и из меня тоже вырвался звук. Не такой красивый. Более человеческий и басовитый, но он заколебался в воздухе, гармонично сливаясь с её гулом. В этот момент магия отозвалась.

Я почувствовал, как от моих ладоней в её кожу потекла волна тепла. Не просто физического. Сама суть жизни. Та самая сила, что заставляет семена прорасти. Люция вздрогнула, и гул из её груди стал громче. Живот под моими пальцами... будто ответил. Лёгкой, едва ощутимой пульсацией. Медленно, как в замедленной съёмке, я опустился на колени перед волчицей, целуя низ её живота. Губы почувствовали тонкую кожу, тёплую и живую. Я провёл по ней языком, ощущая солоноватой, с медовым оттенком, вкус. Люция положила ладони мне на голову, пальцами вцепившись в волосы.

Потом она легла на спину в центре круга, на плоский камень, который оказался на удивление тёплым, будто вобрал в себя за день солнечное тепло. Я последовал следом, оказавшись между согнутых бёдер. Любимая была готовой, влажной и открытой. Лепестки губ, более тёмные, чем окружающая кожа, приоткрыты, а маленький, твёрдый бугорок, призывно «выглянул» из укрытия. Запах нашего возбуждения смешивался с дымом трав — густой, животный и невероятно родной. Я вошёл в женщину медленно, каждым сантиметром члена чувствуя манящее сопротивление. Люция приняла меня с глубоким, сдавленным вздохом, обвив ногами мою поясницу. Я начал двигаться в медленном, ритмичном танце. Каждый новый толчок был осознанным. Я концентрировался на том, как моя сила течёт из основания позвоночника и передаётся ей. Не как генетический материал, а как благословение. Как щит. Как обещание.

Люция смотрела мне в глаза. Губы волчицы были слегка приоткрыты, выдавая прерывистый, синхронизированный с нашими движениями гул. Её пальцы скользили по моей спине. Я чувствовал, как отзывается кожа, приобретая шершавость и плотность. Не полная трансформация, симбиоз. Наше единство. Глубоко во мне что-то накапливалось. Целая вселенная жизни, жаждущая вырваться наружу. Я замедлил движения, пытаясь сдержать это новое чувство.

— Отдай, — прошептала вдруг Люция. — Я приму. Всё.

Я не сдержался. Спазм прокатился по телу, от кончиков пальцев ног до макушки. Я вскрикнул тем самым песенным звуком, но на пике и излился в неё. Волна за волной. С каждой волной я чувствовал, как моя сила, окрашенная намерением, любовью и яростью защитника, выплёскивается в лоно, впитывается и устремляется к крошечному, пульсирующему скоплению клеток.

Люция кончила следом. Её тело выгнулось, сжимая меня внутри так сильно, что потемнело в глазах. Вой волчицы, теперь уже полный и дикий, разорвал ночную тишину, и в этот миг произошло... чудо. Вокруг нас, внутри круга из белых камней, земля словно «вздохнула». Из-под мха, из трещин в плоском камне, мгновенно, как в ускоренной съёмке, проросли стебельки. Не мои геометрические уродцы, а нежные, серебряные побеги с крошечными, похожими на лунный свет цветами. Они обвили наши тела, касаясь кожи. В прикосновении не было ни капли колючести. Лишь благодарность жизни, отвечающей на жизнь.

Мы лежали, тяжело дыша, покрытые потом и этими странными цветами. Внутри меня царила пустота, но не истощение. Спокойствие и умиротворение. С края поляны донёсся тихий

звук. Торк и Лина встали и, не говоря ни слова, поклонились в пояс. Потом развернулись и ушли, оставив нас одних.

Люция первой нарушила тишину.

— Чувствуешь? — волчица положила мою руку себе на живот.

Я прислушался и почувствовал. Не шевеление. Ещё рано. Но... устойчивость. Твёрдую, нерушимую связь. Как будто девочка внутри не просто наш общий ребёнок, а некая часть этого места. Часть долины, защищённой силой земли, что приняла странное подношение.

— Чувствую, — прошептал я.

Мы пролежали так ещё долго, пока луна не начала свой путь к горизонту. Цветы вокруг нас постепенно увяли, рассыпаясь в серебристую пыль. Но чувство осталось. Когда мы, подрагивая от холода, поднялись, Люция вдруг спросила:

— Как думаешь, сработало?

Я посмотрел на её живот, потом на лицо любимой.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Но что-то точно изменилось.

Она кивнула и прижалась ко мне.

— Это главное.

Идя обратно к дому, держались за руки. Хотя угроза никуда не делась, а будущее было туманным и пугающим, в эту ночь мы обрели нечто важное. Уверенность в том, за что мы будем сражаться. И это было даже важнее.

Глава 6. Все потери в этом мире от собственной слабости

Следующие три дня были похожи на жизнь в осаждённой крепости. Громкие звуки вынуждали вздрагивать, а ветер постоянно анализировался на предмет чужих запахов. Патрули из трёх волков и двух медведей, сменяясь каждые четыре часа, прочёсывали периметр. Были вырыты ямы-ловушки, натянуты сети из крепких лиан с колючками молочая. Моя идея, растительный аналог колючей проволоки. Даже юнцов мобилизовали. Подросткам разрешили забираться на крыши и снарядили свистульками, велев по необходимости поднять тревогу.

Под присмотром Урсы и при сардонических комментариях Аграна я учился управлять «плетями». Медленно, болезненно, но учился. На рассвете четвёртого дня, в уединённом месте за ручьём, я пытался сделать то, что Урса называла «задачей на острие когтя». Примерно в метре, на пне лежал обыкновенный лесной орех. Требовалось — заставить «плеть» обвить скорлупу с такой точностью, чтобы расщепить по естественной линии, не повредив ядро.

Пот заливал глаза. На правой ладони, из поры, с противным щекочущим ощущением, будто под кожей копошатся черви, тянулся тонкий, алый усик. Полупрозрачный, на поверхности которого пульсировали жилки, похожие на капилляры. Я дышал, как велела Урса. Глубокий вдох через нос, задержка, медленный выдох через рот, представляя, как сила течёт из самой глубины живота. Из того места, где, цитируя медведицу, *«сидит твоя истинная суть»*.

Дрожа, словно лист на ветру, отросток осторожно коснулся скорлупы. Неким образом я почувствовал текстуру ореха, шероховатую и пористую. Затем сконцентрировался на памяти клеток. На знании, которое таилось где-то в глубине разума. Орех — это жизнь. Его скорлупа — защита. У каждой защиты есть слабое место. Шов. Ищем шов.

Усик послушно пополз вдоль скорлупы, ощупывая её с микроскопической тщательностью. Я не видел глазами, а чувствовал через росток, словно пальцами. Вот здесь... лёгкая неровность. Линия. Направим в эту точку усилие. Усик утончился до волоска, проник в микротрещину и... щёлк. Скорлупа аккуратно разошлась на две идеальные половинки, обнажив маслянистое ядро. Усик повис безжизненно, а затем начал сморщиваться, втягиваясь обратно в ладонь, оставляя на коже розоватый след, похожий на свежий шрам.

— Недурно, — раздался хриплый голос Аграна за спиной. — Твой внутренний зверь разнёс бы этот орех вместе с пнём, а то и с половиной леса. Прогресс.

— Спасибо, — проворчал я, чувствуя лёгкое головокружение от концентрации. «Задача на острие когтя», как выяснилось, высасывала из меня энергию не меньше, чем выброс адреналина. — Надеюсь, враги будут настолько же любезными и постоят неподвижно, пока я аккуратно вскрываю им грудную клетку.

Агран фыркнул:

— Урса права. Эта сила... не зверя. Она гораздо древнее. Можно сказать, первобытнее. Твой саблезуб хочет разорвать, а эта сила стремится... изменить. Переделать. Это опаснее...

— В том то и дело, что опаснее, — я сжал ладонь, чувствуя под кожей остаточное жжение. — Это меня и пугает.

Вернувшись к дому, я застал Люцию за странным, но умиротворяющим занятием. Самка сидела на крыльце, а перед ней, по стойке смирно, стоял Лир. В полной человеческой форме, даже без ушей и хвоста. Маленький светловолосый мальчик с огромными голубыми глазами, до боли напоминавший мои детские фотографии. На мелком были сшитые на скорую руку короткие штанишки. Люция пыталась приучить Лира к человеческой одежде, но результат был комичным. Одна штанина закатана, другая болталась.

— Держи спину прямо, — в голосе волчицы сквозило не столько педагогическое терпение, сколько лёгкое недоумение. — Не горбись. Человеческие детёныши ходят... будто жердь проглотили. Вот так.

Лир попытался выпрямиться, но тело, привыкшее к четвероногой устойчивости волчонка или к противовесу хвоста, подводило. Он заковылял, едва не упав. На детском лице отразилось чистое недоумение.

— Зачем это, ма? — пожаловался мелкий, пошатываясь. — Неудобно. И... холодно.

Лир потрогал кожу на руке, явно скучая по привычной шерсти. Люция вздохнула и перевела взгляд на меня. В её глазах читалось не столько тревога, сколько растерянность перед этой частью природы сына. Частью, которая была чуждой этому миру.

— Потому что ты можешь, малыш, — более мягко сказала она. — А если можешь, должен уметь пользоваться и контролировать. Представь, если бы твой хвост сам собой завивает, когда ты пытаешься спрятаться. Или уши будут торчать, когда нужно прижаться. Форма — это оружие. Ты должен владеть всем своим арсеналом.

Это звучало логично. Как урок управления уникальными способностями от матери-воительницы. Я присел рядом:

— Мама права. В моём прежнем мире люди заперты в одной форме. А у тебя их как минимум три! Это... как иметь три разных комплекта одежды для разной погоды. Нужно просто научиться вовремя переодеваться.

Лир нахмурился, обдумывая, но аналогия, кажется, сработала. Он снова попытался сделать шаг, на этот раз чуть увереннее.

— А можно я обратно... в волчонка? — жалобно спросил он, устав от непривычной позы. — Для практики... охоты?

Люция фыркнула, едва сдержав смех.

— Ладно. Но только кур не гоняй. В прошлый раз они три дня не неслись.

Лир радостно взвизгнул, и в следующее мгновение на месте мальчика уже стоял серебристый щенок, виляющий хвостиком. Он ткнулся мокрым носом в ладонь Люции, а потом рванул прочь, к курятнику, моментально забыв все запреты.

Волчица поймала мой вопросительный взгляд и слегка смутилась.

— Что? Учат же щенков не высовываться на охоте. Это... примерно то же самое.

— Примерно, — согласился я улыбаясь. — Только наш щенок вместо того, чтобы прижаться к земле, превращается в пугало. Или в мальчика с ангельским личиком.

— Поэтому ему и нужно учиться. Чтобы уникальность не стала для него клеткой.

В словах Люции звучала отголоском тревога, что пропитала весь воздух долины. Тревога перед неизвестным и тем, что её детёныш слишком особенный, чтобы мир оставил его в покое.

В полдень мы собрали совет. Только ключевые фигуры. Мы с Люцией, Агран, Урса, Борк и Фенрик, которого Агран неожиданно включил в круг.

— Патрули докладывают, на восточном рубеже появился запах озона, — мрачно начал Борк, медвежья морда которого съёжилась от отвращения. — Слабый, принесло ветром. Но он был. И земля вокруг обильно примята. Будто кто-то тяжёлый стоял, не шелохнувшись, долгое время.

— Наблюдатели? — предположила Урса. — Скорее всего, изучали рубежи и распорядок. Профессионалы.

— Они ждут, — сказала Люция. Пальцы волчицы барабанили по столу. — Ждут момента, когда мы устанем или расслабимся. А может... исключительного момента.

— Это какого? — спросил Фенрик.

Все тут же посмотрели на меня. Я вздохнул.

— Моя сила. Они почуяли её в прошлый раз. Возможно, ждут, когда я её применю снова. Чтобы точно определить местоположение. Как пеленг.

— Значит, тебе нельзя использовать магию? — резко высказался Агран.

— Нельзя использовать её бездумно, — поправила Урса. — Если они ждут сигнала, мы можем дать... ложный. Отвлечь. Но это рискованно.

Мы обсуждали планы, варианты и распределяли силы. Я чувствовал себя стратегом в какой-то сюрреалистической РПГ, где ставка — моя жизнь и жизнь моего сына. В земном прошлом самым опасным врагом для меня была плесень на экспериментальных образцах или редкий ядовитый паук. Здесь враг был умнее, безжалостнее и обладал технологиями, против которых мои знания о фотосинтезе и микоризе бесполезны.

Вечером после совета, ко мне подошла молодая волчица из дальнего патруля по имени Ильва. Девушка выглядела взволнованной и... казалась смущённой.

— Дикий Цветок, — начала она, переминаясь с ноги на ногу. — У нас... небольшая проблема. С ловушками.

— Какая? — насторожился я.

— Там, где ты вырастил колючие лианы... они, эм... расцвели.

— И?

— Запах цветов... он очень сильный. И... как бы сказать... возбуждающий.

Я поднял бровь. Ильва покраснела и отвела взгляд.

— Двое из нашего патруля на восточном валу... ну... отвлеклись. Прямо на посту. Из-за этого запаха. Мы едва растащили их. Целыми, конечно, но... негодными для службы.

Я закрыл глаза. В голове моментально выстроилась цепочка: молочай -> раздражающий сок -> возможные алкалоиды с непредсказуемым действием на обоняние антропоморфных существ -> перекрёстное опыление с местными «страстными» травами... Чёрт. Я вырастил не просто колючую проволоку, а создал массивный, буйно цветущий афродизиак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.